

К читателю

Автор этих воспоминаний — мой прадед (отец моей бабушки) Дмитрий Александрович Оболенский — вел записи с 1854 по 1879 г., так что в книге речь идет о событиях более чем 120-летней давности. Где же были эти записки раньше? Почему они не публиковались? Расскажу то, что мне известно об их судьбе.

Князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822–1881) — сенатор (с 1870), статс-секретарь и действительный тайный советник (с 1880) был женат на княжне Дарье Петровне Трубецкой (1823–1906) и являлся главой большой семьи. У него были три сына — Александр (1847–1917), Алексей (1855–1933) и Николай (1860–1912) — и три дочери — Варвара (1848–1927), Елизавета (1853–1921) и Мария (1864–1946). Александр был женат на Анне Александровне Половцовой, Алексей — на светлейшей княжне Елизавете Николаевне Салтыковой, а Николай женат не был. Дочери все были замужем: Варвара — за Михаилом Михайловичем Бибиковым, Елизавета — за Николаем Ивановичем Новосильцовым, а Мария — за князем Андреем Григорьевичем Гагариным (1855–1920/1921).

Все сыновья Дмитрия Александровича Оболенского сделали прекрасную служебную карьеру. Старший сын, Александр Дмитриевич Оболенский, учился на юридическом факультете Московского университета, в 1881 г. был избран пензенским губернским предводителем дворянства, в 1882 г. — пожалован в камергеры Высочайшего двора, в 1888 г. — причислен к Министерству внутренних дел. В 1892 г. он был назначен обер-прокурором 2-го департамента Сената, в 1883 г. — пожалован в шталмейстеры двора Его Императорского Величества, в 1895–1897 гг. являлся обер-прокурором 1-го департамента Сената. В 1897–1899 гг. — помощник варшавского генерал-губернатора, с 1899 г. — сенатор, с 1902 г. — член Государственного совета, в 1916 г. получил чин действительного тайного советника. В 1913 г. А. Д. Оболенский был избран первым председателем семейного союза князей Оболенских. Скончался в Ессентуках в возрасте 70 лет. От брака с Анной Александровной Половцовой (1862–1917) имел четырех сыновей — Дмитрия, Алексея, Александра и Петра. Все их дети сейчас живут за границей.

Алексей Дмитриевич Оболенский вошел в историю государственной власти императорской России, занимая с октября 1905-го по апрель 1906 г. пост обер-прокурора Святейшего Синода. Окончив в 1877 г. Императорское Училище правоведения в Петербурге, он некоторое время служил в Лейб-гвардии Гусарском полку, после чего начал статскую службу в Министерстве юстиции. В 1881 г. был избран почетным мировым судьей и председателем съезда

мировых судей Козельского уезда Калужской губернии, в 1883–1894 гг. исполнял обязанности козельского уездного предводителя дворянства. Камер-юнкер (с 1882), затем шталмейстер двора Его Императорского Величества (с 1896), в чине действительного статского советника (с 1896); с июля 1895-го по май 1897 г. он был управляющим Государственного Дворянского и Крестьянского поземельного банков. В мае 1897 г. А. Д. Оболенский был назначен товарищем министра внутренних дел. В 1901 г. Алексей Дмитриевич оставил пост товарища министра и назначен сенатором, одновременно получил чин тайного советника и пожалован в шталмейстеры Высочайшего двора. В 1902–1905 гг. он занимал пост товарища министра финансов при министрах С. Ю. Витте, Э. Д. Плеске, В. Н. Коковцове. Скончался в Дрездене в возрасте 77 лет. От брака с Е. Н. Салтыковой (1868–1957) имел четырех детей: Дмитрия (1894–1945), Николая (1896–1978), Анну (1898–1973) и Дарью (1903–1982). Их потомство проживает и в настоящее время за рубежом.

Дмитрий Алексеевич погиб в фашистском лагере, детей не имел.

У Николая Алексеевича единственный сын Алексей Николаевич Оболенский (р. 1919), дипломатический работник в США, живет в Вашингтоне, имеет сына и двух дочерей.

Анна Алексеевна вышла замуж за офицера Красного Креста Николая Николаевича Герсдорфа (1882–1953), в эмиграции стала известной в Швеции художницей. У них было пятеро детей: Елизавета (1922–1992) — актриса, жившая в Стокгольме и имевшая трех сыновей и дочь; Елена (1923–1943); Николай (р. 1929) — инженер на пенсии, живет под Стокгольмом, имеет сына и дочь; Мария (р. 1933), живет в Англии, имеет трех дочерей; Александра (р. 1942), как и мать, художница, живет в Германии, имеет сына и дочь. Интересно отметить, что в 2004 г. Александра и Мария устроили в Петербурге художественную выставку «Три поколения художников из семьи Оболенских».

Дарья Алексеевна вышла замуж за герцога Константина Георгиевича Лейхтенбергского, праправнука Николая I, и их дочери, Ксения (р. 1930) и Ольга (р. 1932), и внуки — прямые потомки императора.

Младший сын, Николай Дмитриевич Оболенский, образование получил в Пажеском корпусе, по окончании которого служил в Лейб-гвардии Конном полку, где состоял полковым адъютантом. В марте 1890 г. был пожалован флигель-адъютантом императора Александра III. В 1891–1892 гг. Николай Дмитриевич сопровождал великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II) в поездке по Азии и Дальнему Востоку. В 1902 г. он был назначен заведующим контролем Министерства императорского двора и уделов, в 1904–1909 гг. — исполнял должность управляющего Кабинетом Его Императорского Величества, затем состоял при вдовствующей императрице Марии Федоровне. Николай Дмитриевич был человеком «замечательной порядочности и нравственной чистоты», одним из немногих лиц, «ей наиболее преданных». Он скончался холостым¹.

¹ Шолов Д. Н. Государственные деятели Российской империи: 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 470–472; Федорченко В. Императорский Дом: Выдающиеся сановники. В 2-х тт. Красноярск, 2002. Т. 2. С. 145–148.

Младшая дочь Дмитрия Александровича Оболенского, Мария Дмитриевна, унаследовала от отца интерес к мемуарному творчеству и оставила несколько вариантов своих воспоминаний о разных периодах ее жизни. Воспоминания, написанные еще в России и касающиеся деятельности ее мужа Андрея Григорьевича Гагарина по созданию Петербургского Политехнического института, до сих пор нигде не опубликованы, хотя многократно цитировались историками Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета. В эмиграции она написала воспоминания, охватывающие весь период от рождения до отъезда из России в январе 1934 г. Опубликованные в США ее старшим внуком Андреем Сергеевичем Гагариным, эти воспоминания написаны на английском языке и ориентированы на американского читателя.

Князь Андрей Григорьевич Гагарин, муж Марии Дмитриевны, был не только замечательным человеком, но известным деятелем науки и техники, много сделавшим для развития технического образования в России. Он родился в 1855 г. в семье известного русского художника князя Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893), вице-президента Академии художеств (1859–1872), гофмейстера Двора Его Императорского Величества (1864). В 1874 г. Андрей Гагарин поступил на математический «разряд» физико-математического факультета Петербургского университета, который закончил в 1878 г. В 1880 г. Андрей Григорьевич поступил слушателем в Михайловскую Артиллерийскую Академию, которую закончил «по первому разряду» в 1884 г.

В 1891 г. А. Г. Гагарин спроектировал пресс для испытания материалов, конструкция которого оказалась настолько удачной, что он получил название «пресс Гагарина», и им пользуются в лабораториях многих технических учебных заведений России до сих пор. В 1895 г. он был назначен помощником начальника Орудийного завода в Петербурге, его деятельность на этом посту способствовала расширению завода и увеличению производства пушек на нем в несколько раз.

С 1899 г. Андрей Григорьевич Гагарин становится главой строительной комиссии по сооружению Санкт-Петербургского Политехнического института, а с 1902 г., когда институт был открыт, стал его первым директором. В годы директорства А. Г. Гагарина Политехнический институт отличался не только высоким уровнем преподавания, но и замечательным демократическим духом, постоянно беспокоящим полицию. Известно, что в феврале 1907 г. городские власти организовали грандиозную провокацию. К институту были стянуты войска: пехота, кавалерия и даже артиллерия. Всю территорию окружили казаки. Более тысячи вооруженных городских с факелами и щитами приступили к повальному обыску, во время которого была спровоцирована «находка» предмета, похожего на оболочку бомбы, о чем был составлен акт. 28 февраля 1907 г. по высочайшему повелению А. Г. Гагарин был отстранен от должности директора института и отдан под суд с обвинением в бездействии.

Судебное следствие по делу Политехнического института велось в течение двух лет. 6 апреля 1909 г. состоялся суд, который вынес обвинение и меру наказания — лишение права в течение 3-х лет поступать на государственную и общественную службу.

Во время Первой мировой войны, в 1915 г., А. Г. Гагарин был назначен заведующим отделом оптики Технического артиллерийского комитета. Поскольку ввоз оптического стекла и оптических приборов, закупавшихся до войны в Германии, стал невозможен, а нужды армии все увеличивались, то необходимо было создать их отечественное производство. Для решения этой задачи Андрею Григорьевичу, интенсивно занявшемуся изучением этой новой для него области науки и техники, удалось оборудовать «для казны» небольшой оптический завод, находившийся на Выборгской стороне (ныне — ОАО ЛОМО), преобразовать для этой специальной цели Императорский хрустальный завод под Петербургом (ныне — Институт оптического стекла) и основать специальный завод оптического стекла в г. Изюме Харьковской губернии. На этом последнем заводе память об А. Г. Гагарине тщательно сохраняется, и в заводском музее хранятся экспонаты, посвященные его деятельности по основанию завода.

Осенью 1918 г. Андрей Григорьевич поехал в свое имение Холмки Порховского уезда Псковской губернии навестить семью, но 13 октября того же года на станции Дно был арестован. Вслед за ним, через несколько дней, была арестована Мария Дмитриевна. Тогда он решился на крайнее средство и довел до сведения Совета Народных Комиссаров о своем тяжелом положении, а также ходатайствовал о разрешении ему проживать с семьей и работать в Холмках (тогда «Народном Доме им. тов. Ленина»), наезжая для сдачи проектов в Москву. В ответ он получил бумагу от 20 января 1920 г. за собственноручной подписью В. И. Ульянова (Ленина) следующего содержания:

«Предъявителю сего инженеру Андрею Григорьевичу Гагарину разрешаю проживать в Псковской губернии, Порховском уезде, Шевницкой волости в Народном доме моего имени, в Холмках. Прошу местные власти Гагарина не беспокоить, в заложники не брать, вещей не реквизиловать и давать ему керосину необходимое количество для его занятий, которые я считаю для Республики полезными».

Перенесенные несчастья сказались на здоровье Андрея Григорьевича. Давнишняя его болезнь, грыжа, обострилась, явилась необходимость операции. Андрей Григорьевич в декабре 1920 г. решился на нее, перенес ее хорошо, без наркоза, хотя она оказалась гораздо сложнее, чем ожидалось. Однако его сердце, испытавшее за последние годы столько треволнений, не выдержало, и на седьмой день после операции в Порховской больнице Андрей Григорьевич скончался. Похоронили его на погосте Бельское Устье под развесистым дубом. На его надгробном памятнике, пропавшем в годы войны, после имени было высечено: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

У Андрея Григорьевича и Марии Дмитриевны Гагариных было шестеро детей: пять сыновей — Андрей, Сергей, Лев, Григорий, Петр — и дочь Софья. Машинописные копии записок Дмитрия Александровича Оболенского были у нескольких его внуков, возможно даже — у всех. Обстоятельства появления этих копий — кто и когда заказывал их перепечатывать с рукописи — неизвестны. О месте хранения самой рукописи и ее судьбе также ничего неиз-

вестно. В результате в семье Гагариных — потомков Д. А. Оболенского — сохранились четыре переплетенных тома одной из машинописных копий «Записок», которые и публикуются в данном издании.

Судьбы детей А. Г. и М. Д. Гагариных, внуков Д. А. Оболенского, сложились по-разному.

Старший сын, Андрей Андреевич Гагарин (1886–1937), до 1905 г. учился в Политехническом институте, затем, во время революционных событий 1905–1906 гг., когда большинство высших учебных заведений России было закрыто, вместе с двумя младшими братьями — Сергеем и Львом — уехал учиться в Германию. После возвращения в Россию закончил учебу на электромеханическом факультете Политехнического института и служил в Лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригаде. В 1913 г. был произведен в подпоручики, в 1914–1915 гг. участвовал в Первой мировой войне, за боевые отличия был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с девизом «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами. После революции он ненадолго эмигрировал, но вскоре вернулся в Россию. Как указано в письмах ФСБ РФ в ответ на наши запросы, Андрей Андреевич в первый раз был арестован органами ОГПУ 11 января 1923 г. «в связи с отказом сотрудничать». Вновь арестован в 1928 г., и 8 августа того же года коллегией ОГПУ приговорен к двум годам лагерей. Арестованный снова 26 ноября 1930 г., он был выслан «административным порядком» на Урал на три года. В 1933 г. снова был арестован, после ареста проживал в г. Сталинске (ныне — Новокузнецк Кемеровской области) и работал на Кузнецком металлургическом комбинате заведующим проектной группой отдела главного электрика. Там он был арестован в последний раз 28 июня 1937 г., постановлением тройки УНКВД Западно-Сибирского края осужден по 58-й статье (пп. 2, 4 и 11) и расстрелян 18 июля 1937 г. Реабилитирован посмертно 29 января 1957 г. Сейчас в Петербурге живут его дочь Ирина и внучка Елена.

Следующий сын — Сергей Андреевич Гагарин (1887–1941) — поступил на экономическое отделение Политехнического института, где и учился до 1905 г. В 1905–1906 гг. вместе со старшим братом был в Германии, слушал лекции по философии в Берлинском и Гейдельбергском университетах, затем вернулся в Россию и окончил Политехнический институт в 1909 г. В 1912 г. Сергей Андреевич сопровождал отца в Америку на конгресс по испытаниям материалов, а затем из Сан-Франциско отправился в кругосветное путешествие. В 1913 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел. Во время Первой мировой войны С. А. Гагарин находился в Ставке Верховного Главнокомандующего в числе представителей Министерства иностранных дел. Позже он был назначен секретарем Российского посольства в Константинополе, где оказался в центре всех политических и военных событий того времени, связанных с белым движением и «великим исходом» русских из Крыма, с Кавказа и Дона в Константинополь. В 1920 г. переехал с семьей в Париж, а оттуда в 1923 г. — в США. Сергей Андреевич погиб в 1941 г. от взрыва бытового газа в подвале собственного дома. Вероятно, именно он, как старший из сыновей Андрея Григорьевича Гагарина, живущих за

границей, был хранителем четырех переплетенных томов записок Д. А. Оболенского, публикуемых в настоящем издании. После его гибели эти материалы хранились в его семье. Из троих его сыновей — Андрея Сергеевича (1914–2002), Сергея Сергеевича (р. 1918) и Петра Сергеевича (р. 1924) — Андрей часто бывал в России, и именно через него четыре тома записок нашего прадеда и попали к нам. В настоящее время в США живут два сына и дочь Андрея Сергеевича, два сына Сергея Сергеевича и сын и две дочери Петра Сергеевича.

Лев Андреевич Гагарин (1888–1921) до революции был штабс-капитаном Лейб-гвардии 4-го Императорской фамилии батальона, затем с ноября 1918 г. был в Добровольческой армии адъютантом командующего вооруженными силами Северной области генерала В. В. Марушевского. Автор неопубликованных воспоминаний «Образование Северного фронта», Л. А. Гагарин эмигрировал через Крым и в 1921 г. умер от тифа в окрестностях Константинополя.

Софья Андреевна Гагарина (1892–1979), единственная дочь моего деда, после революции некоторое время жила в Холомках. Согласно документам Псковского областного архива, она была заведующей организованного там «Народного дома имени тов. Ленина». Как сказано в соответствующем «постановлении Порховского уисполкома», ее назначили на эту должность «как лицо, вполне пригодное по образовательному цензу». В этом Народном доме в 1920–1921 гг. Гагариными с помощью М. В. Добужинского и К. И. Чуковского было устроено общежитие Художественной колонии, неоднократно описанной в советской литературе². Но уже в 1924 г. Софья Андреевна с матерью (Марией Дмитриевной Гагариной) и младшим братом (моим отцом) были выселены из Холомков, а в 1927 г. ей удалось уехать из России в Америку к братьям. Уже в эмиграции в 1940 г. она вышла замуж за Николая Николаевича Ростковского. Детей у них не было. При отъезде за границу (ей удалось уехать благодаря помощи наркома А. С. Енукидзе) она вывезла с собой очень много семейных материалов, часть из которых потом вернулась обратно в Россию усилиями ее племянников уже после смерти С. А. Гагариной в 1979 г.

Григорий Андреевич Гагарин (1895–1963) до революции был корнетом Лейб-гвардии Гусарского полка. Вернувшись весной 1918 г. в Холомки, он начал там активную общественную деятельность, но после покушения Ф. Каплан на В. И. Ленина был арестован, приговорен к расстрелу и бежал³. Ему удалось перебраться на оккупированную немцами территорию и в дальнейшем эмигрировать в Америку. Там он и умер в 1963 г. Его сын, Григорий Григорьевич Гагарин (р. 1922), часто приезжает в Россию: именно он и привез нам четыре тома «Записок» Д. А. Оболенского, переданные ему Андреем Сергеевичем Гагариным. У Григория Григорьевича есть два сына и дочь, они живут в США.

Наконец, самый младший сын Андрея Григорьевича и Марии Дмитриевны Гагариных, Петр Андреевич Гагарин (1904–1938), мой отец, встретил революцию мальчиком, детство провел в Холомках, затем в 1925 г. поступил в Политех-

² Милашевский В. А. Вчера, позавчера... воспоминания художника. М., 1989; Чуковский К. И. Дневник 1901–1929 гг. М., 1991.

³ Воспоминания Г. А. Гагарина // Звезда. 1994, № 2.

К читателю

нический институт, окончил его в 1930 г. и работал в Ленинграде, в институте «Гипрошахт». Петр Андреевич был арестован в марте 1935 г. и с женой-студенткой и 9-месячным сыном (мною) был приговорен к ссылке в г. Иргиз Казахской ССР. Усилиями профессоров Политехнического института В. Ф. Миткевича и М. А. Шателена, работавших с Андреем Григорьевичем Гагариным, ссылку удалось отменить. Однако через два с половиной года, 21 ноября 1937 г., Петр Андреевич был вновь арестован, осужден по 58-й статье (пп. 6 и 11) и 18 января 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован 7 июня 1965 г.

Моя бабушка, мать моего отца, Мария Дмитриевна Гагарина (урожденная княжна Оболенская), после смерти мужа, Андрея Григорьевича Гагарина, жила вместе с моими родителями до своего отъезда за границу в январе 1934 г. Ее сыновьям — Сергею Андреевичу и Григорию Андреевичу, жившим в Америке, удалось вывезти из России престарелую мать с помощью выкупа в 3000 долларов.

Я, Андрей Петрович Гагарин, был единственным ребенком в семье. Сразу после расстрела отца мою мать, Варвару Васильевну, урожденную Шешину (род. в 1913 г., профессор филологического факультета Университета), как «жену врага народа» сослали (в НКВД факты расстрела тогда скрывали, и ей сообщили, что отец приговорен к 10 годам пребывания в лагерях Дальнего Востока без права переписки). Я остался с родителями матери и ее старшей сестрой. После войны моя мать вышла замуж за кораблестроителя В. М. Буракова, и в 1947 г. я был усыновлен своим отчимом со сменой фамилии и отчества. Как я теперь понимаю, благодаря этому я смог без проблем получить высшее образование. Окончив в 1952 г. школу, а в 1958 г. — физический факультет Ленинградского государственного университета, я поступил на работу в Государственный Оптический институт. В 1972 г. я смог вернуть себе родовые фамилию и отчество (тогда это уже никого не интересовало). Допуск к секретной работе, которой я занимался в то время, был без труда получен мною на фамилию Гагарин. В настоящее время я — профессор Санкт-Петербургского Политехнического университета. У меня две дочери и сын.

А. П. Гагарин

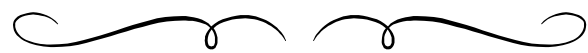
— |

| —

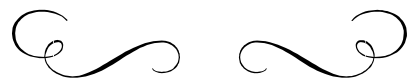
— |

| —

КНЯЗЬ
Дмитрий Александрович
Оболенский

Жизнь · Служба · Записки

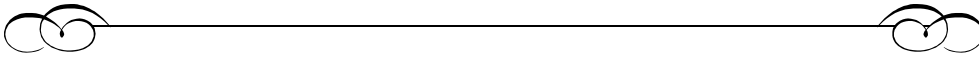

— |

| —

— |

| —

Дневники и воспоминания — вид документов, возникший в России сравнительно поздно, только в результате грандиозных петровских преобразований, развития грамотности и школы, знакомства с европейской культурой и литературой, обретением привычки к развивающему чтению. Лишь во второй половине XVIII в. появляются первые российские мемуары, насчитывающиеся буквально единицами. Но, поздно в России появившись, мемуаристика в XIX в. развивается стремительно, переживает бум. Появлению мемуаров способствуют многие обстоятельства: и интерес к жизни отдельного человека, и вовлечение России в орбиту мировых событий, и распространенный обычай делать дневниковые записи. Ведение дневника, как и неперемное присутствие в гостиных альбомов, куда гости записывали стихи, изречения, экспромты, — неперемная часть культуры XIX в. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что педагогика того времени в перечне своих дисциплинирующих учащихся приемов числила и составление поденных записей. Вечерами нужно было заносить в дневник наиболее важные события прошедшего дня, отдавая себе отчет в сделанном и неудавшемся, хорошем и плохом, достижениях и проступках. А от дневников к воспоминаниям был прямой путь: они помогали восстановить в памяти события, хронологию, переживания. Выдержки из дневников читают в гостиных и салонах, печатают в сборниках и журналах. Во второй половине XIX в. появляются один за другим несколько «толстых» исторических журналов («Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник»), предназначенных вовсе не для узкого круга историков, а для широкой читательской аудитории, интересующейся такого рода чтением. Издатели этих журналов способствуют вниманию общества к мемуаристике и стимулируют ее создание прямым обращением к потенциальным держателям рукописей или просьбами о написании воспоминаний о людях и событиях. Дневники и воспоминания быстро находят своего издателя.

Ситуация резко изменилась в XX в.: ведение дневников стало опасным, воспоминания о прошлом, казавшемся столь благополучным, были не востребованы, а самое главное — войны и революции несли гибель личным архивам. И тем не менее время от времени обнаруживаются в государственных архивах и остатках частных коллекций, среди семейных бумаг — старые дневники, рассказывающие о прошлом, уже далеком и неведомом. К их числу принадлежат и «Записки» князя Д. А. Оболенского, сбереженные потомками.

Князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822–1881 гг.) в свое время был фигурой очень значительной, государственным человеком, по справедливости имеющим право быть отнесенным к числу деятелей «великих реформ»

царствования Александра II. В то время он принадлежал ко второй шеренге либеральной бюрократии — директорам департаментов, товарищам министров, которые были реальными двигателями государственного механизма, готовили для своих патронов, имена которых у всех на памяти, доклады, записки, затем представляемые министрами от своего имени.

Д. А. Оболенский по своему рождению и происхождению был предназначен для государственной деятельности. Он принадлежал к самой древней и знатной части русского дворянства — к Рюриковичам, стоявшим у истоков создания Российского государства и затмевавшим род Романовых своей древностью, что последними часто воспринималось весьма болезненно.

Д. А. Оболенский родился в октябре 1822 г. в семье, где скрестились два княжеских рода. Его отец, Александр Петрович Оболенский, был высокого ранга чиновником, в свое время близким к семье великой княгини Екатерины Павловны и принца Георга Ольденбургского. Его мать, Аграфена Юрьевна, принадлежала к роду князей Нелединских-Мелецких; ее отец, статс-секретарь Павла I, человек, служивший по управлению благотворительными учреждениями, которыми занималась императрица Мария Федоровна, был еще и известным поэтом круга И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова. Но Оболенский знал деда Юрия Александровича только в последние годы его жизни, уже отошедшим от дел и поэтических занятий, больным, доживающим свои дни у дочери Аграфены в Калуге. В самом начале 1825 г. А. П. Оболенский был назначен калужским губернатором, многочисленная семья переехала в Калугу, и там прошло его детство, сначала — очень счастливое, в кругу любящей и любимой матушки, любимых и почитаемых отца и деда. Ему не было и семи лет, когда умерли Аграфена Юрьевна и ее отец; умерли они в одно время, и никогда не были забыты Д. А. Оболенским. В их семье существовал обычай ежегодного, по крайней мере, посещения родных могил. Вообще Калуга, как и Москва, были для Оболенского родными местами, где он с удовольствием бывал, где жили его родные и знакомые. Не только его отца-губернатора помнили долго, еще и его матушка осталась в памяти калужан как образцовая губернаторша и высокой души женщина. О ней как не забытой калужанами писал А. О. Смирновой-Россет Н. В. Гоголь; И. С. Аксаков, служивший в 1840-х годах в Калуге, это подтверждает¹.

Начальное образование Д. А. Оболенского типично для знатного дворянского дитяти первой трети века: детей было принято поначалу обучать дома с помощью гувернеров, заботившихся о том, чтобы научить питомцев иностранным языкам — французскому и немецкому преимущественно, начальным знаниям письма, счета и предметам по выбору и возможностям гувернеров, а также — о воспитании питомцев, прививая им манеры и понятия по своему усмотрению. В домах, где глава семейства служил, а значит — был занят, очень важную роль в начальном образовании детей играла мать, которая должна была следить за ходом учебы, заботиться о наличии учителей. И когда Аграфена Юрьевна умерла, семья оказалась в растерянности: что делать с малыми детьми — де-

¹ Аксаков И. С. Письма к родным: 1844–1849. М., 1988. С. 284–285.

вочками и подраставшими мальчиками, которых надо было определять в школу? Отец, вскоре переведенный на службу в Москву, поступил так, как это было тогда заведено: девочек взяли в свои семьи многочисленные родственники, мальчики были отданы в семью калужского помещика С. Я. Унковского, человека, пользовавшегося хорошей репутацией. Дело еще заключалось в том, что у него были свои сыновья, близкие по возрасту братьям Оболенским, и в той семье тоже стояла задача их домашнего образования. Младшие Оболенские сначала учились в семье С. Я. Унковского, где создалось нечто вроде небольшого пансиона и преподавали гимназические учителя (сам Унковский со временем стал директором гимназии); в середине 1830-х годов по распоряжению Николая I он был переведен в Московский университетский пансион, и тогда все Унковские и Оболенские оказались в Москве. Университетский пансион, заведение с очень хорошей репутацией, было предназначено в качестве школы для обучения дворянских детей, причем для дворян среднего достатка, с тем чтобы они потом могли поступить в университет. В то время еще было распространено домашнее образование, и часть дворянских семей шла по этому пути, однако это было не только дорогостоящее, но и хлопотное предприятие, поскольку требовало систематичности обучения, круга учителей. Можно было пойти по более простой стезе, воспользовавшись услугами частных пансионов или государственных учебных заведений вроде благородных пансионов, существовавших при университетах. Некоторое время Оболенский живет и учится в Москве, с которой сроднился и где приобрел друзей на всю жизнь: Ю. Ф. Самарина — своего двоюродного брата, немногим его старше (мать Юрия Федоровича была родной сестрой Аграфены Юрьевны), и И. С. Аксакова, своего сверстника. В то время военная служба уже перестает быть единственным достойным поприщем для мальчиков из дворянских семей. Государственная деятельность требует хорошо подготовленных людей, университеты делают только первые шаги, студентов в них немного, вот и возникают при Александре I Царскосельский (Александровский) лицей, при Николае I — Училище правоведения.

Создание Училища правоведения — важная веха в истории постановки юридического образования в России. У его колыбели стояли принц П. Г. Ольденбургский и М. М. Сперанский. Юный Ольденбургский, назначенный императором Николаем I присутствовать в Сенате, очень скоро вынес убеждение в необходимости создания высшего специального учебного правоведческого заведения под эгидой Министерства юстиции, которое бы поставляло российскому управлению образованных юристов. Его идея была поддержана Сперанским, и в 1835 г. оно открылось в Петербурге. Оно было рассчитано на детей потомственных дворян, мальчиков 12–15 лет, которые бы не только учились, но и жили в училище, воспитывались в нем; обучение продолжалось 6–7 лет, преподавалось, в частности, делавшее только первые шаги как наука русское право. Училище располагалось на Фонтанке, напротив Летнего сада, в самом центре столицы, рядом с дворцом Ольденбургских, и пользовалось неизменным вниманием учредителя. Ежегодно училище должно было выпускать два десятка образованных чиновников, которые обязаны были по окончании непременно отслужить в ведомстве Министерства юстиции 6 лет. Выпускники предназна-

чались для службы в министерстве, но не только: с помощью этих новых людей власть надеялась улучшить и работу провинциальных судебных учреждений, а потому предусматривалась ежегодная доплата к жалованью выпускникам, отправившимся на службу в российские губернии.

Д. А. Оболенский не значится в числе воспитанников первого года существования училища. Им был Г. С. Аксаков, за ним и отправились затем И. С. Аксаков, Д. А. Оболенский, сын Унковского Федор. Оболенский и И. С. Аксаков вместе учились и выпущены в одном году — 1842-м. Они с тех пор дружили и относились друг к другу с нежностью, хотя жизнь и разводила их время от времени. После Училища правоведения И. С. Аксаков оказался в родной для Оболенского Калуге, а Оболенский, после короткого пребывания в Сенате, затем в Министерстве юстиции (очевидно, в ожидании назначения), был министром юстиции отправлен в Казань «исправляющим должность губернского уголовного дел стряпчего» (1844 г.), но в том же году переведен в Тулу, в Палату не уголовного, а гражданского суда, на должность товарища председателя. Однако уже через год он оказывается в столице, продолжая служить в ведомстве Министерства юстиции, на этот раз в должности «товарища председателя I Департамента С.-Петербургской палаты гражданского суда». Затем он «по выбору дворянства» занимает должность «председателя I департамента», некоторое время «исправляет должность совестного судьи», получает очередные чины согласно Табели о рангах.

Осенью 1846 г. в Москве он венчается с дочерью орловского военного губернатора княжной Дарьей Петровной Трубецкой, и первое, что молодожены предпринимают в качестве свадебного путешествия, — отправляются в Калугу, навещают могилы родственников, там встречаются с калужским обществом. По-видимому, брак был благополучным: у них было шестеро детей — три сына и три дочери. Сыновья — Александр, Алексей и Николай — служили, дочери — Варвара, Елизавета и Мария — стали замужними дамами — Бибиковой, Новосильцовой и Гагариной. Жили Оболенские в Петербурге, поначалу на Сергиевской, а затем на Невском проспекте.

В Петербурге Оболенский становится на стезю делающего карьеру петербургского чиновника. Все было за то, чтобы он ее выбрал: и происхождение, и полученное образование, и, очевидно, характер. И. С. Аксаков в 1849 г. уходит с государственной службы, предпочитает свободную жизнь помещика, общественного деятеля, а Оболенский — службу. К этому его побуждают более толерантный характер и необходимость содержать семью. В Петербурге Д. А. Оболенский входит в круг высшего образованного петербургского общества, чему в немалой степени способствует его близость ко двору великой княгини Елены Павловны. Эта немецкая принцесса, вышедшая замуж за великого князя Михаила Павловича, сильно отличалась от многих других членов правящей фамилии: она считала, что великокняжеское достоинство дает не только права, но и накладывает обязанности, необходимость заботы о престиже августейшей семьи, создании вызывающего уважение имиджа. Кроме того, способности, образование склоняли ее к тому, чтобы выйти за рамки светско-придворной жизни, ее тянуло к людям культуры, и она всегда охотно откликалась на просьбы о помощи литераторам, искусству, занималась благотворительностью, образова-

нием. Ее дом (Михайловский дворец) считался образцом вкуса и хорошего тона. В своей постоянной деятельности она нуждалась в помощниках, которые были бы и безупречного происхождения, и дельными людьми, с тем чтобы им можно было давать частные поручения, и скромными в рассказах о патронессе. Услышав от кого-то об Оболенском, она пригласила его к себе в дом, и завязалось знакомство, продолжавшееся четверть века. Одним из их общих деяний была помощь в посмертном издании сочинений Н. В. Гоголя. Между прочим, в то время было принято (это было одним из салонных способов времяпрепровождения) читать вслух новые сочинения, привлекая внимание, ценились и хорошие читатели. Д. А. Оболенский был посетителем салона А. Н. Карамзина, сына Николая Михайловича Карамзина — известного историографа царствования Александра I. Известно, что в его салоне Д. А. Оболенский читал Гоголя. А. В. Никитенко, присутствовавший там, занес в свой дневник: «Обедал у А. Н. Карамзина. После обеда читаны были неизданные главы “Мертвых душ” Гоголя. Чтение продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати. Эти пять часов были истинным наслаждением. Читал, и очень хорошо, князь Д. А. Оболенский»².

Октябрь 1853 г. — переломный и определяющий момент в карьере Д. А. Оболенского. Он был «переведен» в Морское министерство, возглавлял которое великий князь Константин Николаевич в качестве «управляющего» Морским министерством. Россия в то время стояла на пороге войны с Турцией, неожиданно обернувшейся войной с Англией и Францией. Великий князь Константин Николаевич, которому еще в 4 года было предназначено Николаем I стать во главе Российского флота и дано звание генерал-адмирала, до этого времени был стеснен авторитетом приставленного к флоту человека немолодого, на седьмом десятке лет, независимого, язвительного остролова князя А. С. Меншикова. Уже совершеннолетний и честолюбивый великий князь, ощутивший потребность в наведении иных порядков на флоте, был связан в своих действиях. Отправка в начале 1853 г. А. С. Меншикова с дипломатическими поручениями из Петербурга развязала Константину Николаевичу руки, а надвигающаяся война заставляла думать о переменах. Осенью 1853 г., уже осмотревшись и наметив себе некую программу действий, он начинает с того, что собирает в Морское министерство молодые кадры, причем не только моряков, но и гражданских чиновников — А. В. Головина, М. Х. Рейтерна. Среди них оказался, возможно по рекомендации его тетки Елены Павловны, и Д. А. Оболенский. Такое привлечение штатских лиц было вполне объяснимо: Константин Николаевич был намерен навести порядок в ведомстве, основать его деятельность на разумном законодательстве, а для этого требовались грамотные юристы. Оболенский как нельзя лучше соответствовал этим требованиям. Кроме того, Константину Николаевичу требовались и советники, и помощники, словом — профессиональное окружение, с которым он мог бы работать: советоваться и доверить исполнение всякого рода поручений и новаций по ведомству³. Обо-

² *Никитенко А.В.* Дневник: В 3-х тт. Л., 1955. Т. 1. С. 360.

³ Подробнее об этом см.: *Шевырев А.П.* Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 14–48.

ленскому, назначенному на должность директора Комиссариатского департамента (это была должность гражданского чиновника, он и числился среди лиц «гражданского ведомства»), предстояло, во-первых, освоить весь спектр хозяйственной деятельности Морского министерства, ибо это был интендантский отдел Морского министерства, связанный с подрядами, заготовками, госпиталями и пр. Но тот факт, что сразу же после перехода в Морское министерство ему поручают составление свода провиантского и комиссариатского уставов, выдает подоплеку его назначения: большую долю в его служебных обязанностях должна была занимать та самая юриспруденция, школу которой он уже прошел.

Известно, что в начале царствования Александра II Морское министерство оказалось во главе движения за преобразования и даже первым их начало. Оказывается, подготовка к этой роли лидера в кругу министерств была осуществлена еще в недрах николаевского царствования, и когда произошла примерно через год с четвертью смена царствований, Морское министерство было уже готово к этому, имея в своем составе кадры молодых, современных, амбициозных деятелей, прошедших некоторую практику. Так сложились обстоятельства, что Оболенский оказался в рядах тех, кого потом стали называть «шестидесятниками» и кого неизбежно вспоминали, ссылаясь на масштабы проведенных реформ.

Наверное, не все привлеченные великим князем Константином Николаевичем чиновники выдержали испытание; вероятно, у него были и разочарования, но Д. А. Оболенский проверку выдержал. Он вошел в круг ближайших сотрудников великого князя. Имя его постоянно встречается в дневниках Константина Николаевича как имя ближайшего сотрудника, с которым он вместе «работает», ездит по делам ведомства, и когда великий князь собирает у себя интимный кружок на «обед», то Оболенский неизменно оказывается в нем⁴.

Не любивший Константина Николаевича С. Д. Шереметев, человек следующего поколения, назвав Оболенского «либералом и практиком», «бывшим правоведом», охарактеризовал его так: «Был одним из спутников того светила, который просиял в Мраморном дворце»⁵. Отметим вскользь, что к этому времени Оболенский созрел и для практической деятельности, и для ведения дневника, ибо именно с этого времени он начинает делать записки.

10 лет жизни было отдано Д. А. Оболенским Морскому министерству в самые замечательные годы жизни этого ведомства, в его «звездный час». Вокруг великого князя Константина Николаевича тесно сплотилась группа молодых единомышленников, к которым прочно и навсегда приклеилось прозвание «константиновцев». Оболенский формально был директором Комиссариатского департамента, но значение его выходило за пределы должности. Генерал-адмирал числил его среди своих ближайших сподвижников и, как известно из

⁴ 1857–1861 гг.: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1993. С. 55, 176, 195 и др.

⁵ Шереметев С. Д. Мемуары. М., 2001. С. 66.

его дневника, безоговорочно ему доверял. Деятельность Оболенского в это десятилетие была многогранной. Она состояла из рутинной, повседневной службы директора департамента (кстати, вице-директором у него был дед В. В. Набокова, будущий министр юстиции Д. Н. Набоков). Кроме того, он был из числа тех сотрудников Морского министерства, кого великий князь Константин Николаевич постоянно привлекал как правоведа. Он занимался кодификацией тех морских и военно-морских законов, которые во второй половине 1850-х годов систематизировались, дополнялись, изменялись в особых комиссиях. Как доверенное лицо генерал-адмирала он постоянно исполнял его поручения. В 1856 г. Оболенский подготавливал поездку группы российских литераторов, в числе которых был А. Н. Островский, вниз по Волге с целью изучения экономики и быта приволжского населения. Поездка была организована под эгидой Морского министерства и должна была иметь результатом серию статей о состоянии экономики и жизни Поволжья для издаваемого министерством журнала «Морской сборник».

В самом начале 1854 г., по частной просьбе генерал-адмирала, Оболенский ездил на Дон с целью выяснения возможности добычи там угля на случай, если обострившиеся отношения с Англией прервут поступление в Россию английского антрацита. Он не только убедился в реальности его добычи, но еще и договорился о таких поставках. Был он командирован и в Николаев с инспекционно-ревизионной целью (1857 г.), когда великого князя уведомили о наличии в этом порту злоупотреблений и хищений. Каждая такая поездка укрепляла его репутацию и сопровождалась выражением благодарности.

Д. А. Оболенский, работая в передовом министерстве того времени, способствовал продвижению разрабатываемых тогда реформ. Большое значение в деле отмены крепостного права и той формы, которую приняла крестьянская реформа 1861 г., сыграла записка его родственника, друга и бесспорно авторитетного человека Ю. Ф. Самарина. Участие Оболенского в крестьянской реформе выразилось в том, что он помогал ее распространению. Гораздо большим было его участие в судебной реформе. По мнению исследователя, занимавшегося ее историей, «еще предстоит» в полной мере оценить вклад Оболенского в принятие этой считающейся самой последовательной и демократической реформы 1860-х годов. М. Г. Коротких рассказывает: когда правительственные круги начали, вслед за разработкой крестьянской реформы, готовить столь же назревшую судебную и стали формировать концепцию нового судостроительства, то обратились к уже имевшемуся в России опыту подготовки законопроектов по судебной части. Причастный к этому председатель II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Д. Н. Блудов подал Александру II записку, доказывая, что Россия еще не готова к ширококомасштабной реформе, во всяком случае к суду гласному, с участием адвокатов и присяжных заседателей. Император, предпочитавший во всем «постепенность», немедленно согласился, и предстоящая реформа сразу же была ограничена очень узкими рамками. Тогда великий князь опять-таки обратился с личной просьбой к Оболенскому, находившемуся за границей, дать отзыв о записке Блудова. Тот написал отзыв, настаивая на полнокровной судебной реформе, которая бы учла все последние достижения мировой юридической науки

и практики, отстаивая гласность, состязательность сторон, что достигалось включением в судебный процесс адвокатов, и своего рода учет общественного мнения с помощью создания суда присяжных. Константин Николаевич распространил отзыв Оболенского, который не только произвел сильное впечатление своей убедительностью, но еще и повернул на новый путь приостановленный было процесс разработки судебной реформы⁶.

Еще большим было участие Оболенского в деле разработки цензурной реформы. В марте 1862 г. он, чиновник Морского ведомства, был по высочайшему повелению поставлен во главе комиссии, приступившей к разработке законопроекта цензурного Устава. Такое на первый взгляд странное назначение имеет простое объяснение. Александр II, решившийся на проведение «пакета» реформ, вынужден был искать министров, способных для их разработки и проведения, и в декабре 1861 г. назначил сотрудника Морского министерства А. В. Головнина министром народного просвещения. Одной из важнейших задач этого министерства было преобразование цензуры, находившейся тогда в ведении Министерства просвещения. Цензурная реформа была до такой степени сложным делом, что, начатая сразу же после смены на престоле верховного правителя, долго не могла быть доведена до законосовещательного учреждения. Российская бюрократия была еще не готова воспринять какую бы то ни было мысль о смягчении цензуры: все действия бюрократии в широком понимании этого слова были неподконтрольны общественному мнению, и она не соглашалась стать предметом обсуждения. Предварительная цензура улавливала критические статьи о политике правительства и вообще все то, что не должно было быть пропущено в печать, держалась за старый порядок. В поисках человека, который бы смог в законопроекте и сохранить контроль администрации над печатью, и одновременно дать прессе некоторый «простор» и «гласность», А. В. Головнин обратился к Оболенскому, принявшемуся за дело.

Д. А. Оболенский стал председателем двух комиссий, разработавших в 1862 г. проект новых правил о печати – сначала для Министерства народного просвещения, а затем, на следующий год, когда цензура перешла в ведение Министерства внутренних дел, — другую редакцию проекта. Работал он в тяжелейших условиях, испытывая давление со стороны литераторов, общественных деятелей — между прочим, старого друга И. С. Аксакова, в то время предлагавшего цензуру вообще уничтожить⁷, — и административных сфер, настаивавших на сохранении для себя возможности влиять на печать.

Д. А. Оболенский, которому мы обязаны тем, что располагаем обильным изданием документов по истории цензуры, разного рода очерками, справками, сводками, собраниями постановлений (это было предназначено для обеспечения полноценной работы комиссии), сумел пройти между Сциллой и Харибдой, между обществом и властью, сохранив цензуру для части изданий и пред-

⁶ *Коротких М. Г.* Судебная реформа 1864 г. в России: Сущность и социально-правовой механизм формирования. Воронеж, 1994. С. 71–82.

⁷ *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 116–117.

ложив столичной периодической печати право выходить безцензурно, подвергаясь лишь дотоле не существовавшей цензуре «последовательной», карающей за нарушение закона о печати. В недрах его комиссии была разработана и структура управления цензурой, просуществовавшая вплоть до революции.

1863 год, как и 1853-й, был в жизни Д. А. Оболенского поворотным: он ушел из Морского министерства в Министерство финансов. Это был естественный путь «константиновцев». К тому времени великий князь, еще в 1857 г. выведенный Александром II на путь общегосударственной, а не только ведомственной, деятельности, покинул Петербург; его окружение — А. В. Головин, М. Х. Рейтерн, Д. А. Толстой — оставило ведомство. М. Х. Рейтерн стал министром финансов, сам Оболенский дослужился до чина тайного советника и перерос, таким образом, свою должность. Очевидно, Рейтерн учитывал это обстоятельство, приглашая Оболенского на должность директора Департамента внешней торговли, ведь тайный советник — это должность товарища министра и даже министра. Оболенский в очередной раз должен был погрузиться в новую, неведомую ему сферу, хотя отчасти и соприкасавшуюся с его прежней деятельностью.

По-видимому, в будущем Оболенскому была уготована должность товарища министра финансов, но повороты судьбы не вывели его к этому посту. В 1863 г. Он принял Департамент внешней торговли, который объединял под своей властью и хозяйственные, и финансовые дела: директор департамента должен был заниматься как организацией таможенной службы, так и собственно таможенными доходами.

Д. А. Оболенский перешел в Министерство финансов в тяжелое для российских финансов и управлявшего ими ведомства время. От нового министра М. Х. Рейтерна требовалось решение нелегкой задачи оздоровления российской казны, опустошенной Крымской войной, финансирования проводимых реформ (кредитование выкупной операции по крестьянской реформе, перевооружения армии и флота и т. п.). Рейтерн, которого специально готовили на должность министра финансов, начал свою деятельность с попытки укрепления курса рубля, истощенного выпуском бумажных денег и займами. Создав золотой запас, он объявил о переходе в начале 1863 г. на свободный размен бумажных денег на звонкую монету. Однако тогда же начавшееся восстание в Царстве Польском сорвало эту реформу, потребовав чрезвычайных расходов на обеспечение его подавления. К тому же российские обладатели бумажных денег не стали ждать лучших времен и поспешили с совершением обменных операций. Осенью 1863 г. обмен бумажных денег на монету из драгоценных металлов пришлось прекратить. По репутации министра и его амбициям был нанесен тяжкий удар, и он стал осторожней в своей программе. А вскоре Россия вообще попала вслед за странами Западной Европы в полосу экономического кризиса, министр финансов подвергся прямым нападкам коллег и оказался на грани отставки. Ему стали искать замену и нашли в бывшем сослуживце Оболенского по Морскому министерству — С. А. Грейге, в финансовых способностях которого почти все сомневались. Но, поскольку министру финансов была предоставлена возможность подать экономическую программу, а вместе с тем откла-

дывалась и его отставка, то С. А. Грейг был на это время назначен товарищем министра финансов, а значит, если Рейтерн и вынашивал план назначения Оболенского своим заместителем, то с назначением Грейга он должен был оставить его, и Оболенский оказался снова в должности директора Департамента, — сначала внешней торговли. Через год после его вступления в должность в Министерстве финансов были произведены структурные изменения, и Департамент внешней торговли, занимавшийся разного рода хозяйственными и техническими делами по организации внешнеторговой деятельности России, а с другой стороны, финансовой, — таможенными сборами, был разделен. Сама внешняя торговля вошла в другой департамент (Департамент торговли и мануфактур, составив нечто вроде торгово-промышленного отдела внутри Министерства финансов), а Оболенскому была оставлена собственно налоговая, т. е. финансовая, часть, что косвенно свидетельствует о том, что его готовили кобретению налогового и финансового опыта.

Дневника в то время, т. е. в 1860-е годы, он не вел, и потому судить о том, что его занимало, довольно трудно. Но можно наметить несколько важных акций финансового ведомства, в которых он по долгу службы принимал непосредственное участие.

Это, во-первых, его включение в состав учрежденной еще в 1859 г., примерно тогда, когда правительство сформировало свою условную программу реформ, так называемой Податной комиссии. Ее официальное название — Высочайше учрежденная комиссия по пересмотру системы податей и сборов. Иначе говоря, ей предстояло найти оптимальные принципы налогообложения. Поскольку правительство опасалось, что простое повышение прямых налогов, которые платили низшие, «податные состояния», неэффективно, ибо может привести только к росту недоимки, была создана Податная комиссия. При учреждении ей были, как водится, поставлены задачи трудные, если вообще разрешимые: отказаться от сословности в деле налогообложения, отменить подушную подать, составлявшую самый большой прямой налог в России, понизить лежащие на крестьянах подати. При этом комиссии надлежало еще и обеспечить принятие таких мер, которые бы не допускали уменьшения поступлений в казну. Но главной ее целью все же было преобразование подушной подати. Податная комиссия прошла уже пик своей активности, но это была очень хорошая школа для постижения экономической теории и практики. Деятельность Комиссии (во главе ее стоял известный экономист Ю. А. Гагемейстер) была хорошо организована, ее члены изучали постановку налогового дела в странах Западной Европы, обсуждали предложения о преобразовании налогов, печатали «Труды» Комиссии, собирались на заседания. Правда, при обилии изданных ею трудов практически за два десятка лет существования она, опутанная неисполнимыми инструкциями, так и не смогла предложить что-либо, радикально выводящее налоговую систему из кризиса, но, несомненно, участие в ее работе было превосходной школой, где собрались сильные экономисты-практики и ученые. Только в конце 1860-х годов Податная комиссия выработала проект превращения личной подушной подати в реальный налог на земли и усадьбы крестьянского населения, т. е., по сути дела, сохранила в тех же размерах по-

душную подать и того же налогоплательщика. Поэтому проект ее был отклонен и остался нереализованным⁸.

Во-вторых, Оболенский занялся улучшением дела со сбором таможенных пошлин, причем, поскольку в то время таможенная политика не менялась существенно, внимание директора Таможенного департамента было сосредоточено главным образом на том, чтобы препятствовать контрабандной торговле на российской западной границе, прежде всего с Австрией. Почти ежегодно летом, когда другие отправлялись в вакационное время в отпуск в имения, за границу и т. п., он отправлялся ревизовать таможи Юго-Западных губерний России, Царства Польского, Бессарабии, причерноморских городов, с тем чтобы обнаружить злоупотребления.

И, наконец, третье направление его деятельности, — это участие в работе Тарифной комиссии.

Постановка вопроса о тарифах была связана с представленной министром финансов осенью 1866 г. программой оздоровления российских финансов, найденной столь успешной, что вопрос об отставке был снят с повестки дня, между прочим, в немалой мере еще и потому, что его товарищ, С. А. Грейг, обнаружил свою неподготовленность к деятельности в этой сфере. Рейтерн предложил оздоровить финансы режимом экономии, созданием бездефицитного бюджета, усиленным железнодорожным строительством. Но в активные действия он не включался, заслужив упреки в том, что он не министр финансов, а министр Казначейства. Он проводил осторожную, бережливую политику, пытаясь отыскать хоть небольшие источники возрастания доходов. Один из них Рейтерн увидел в возможности извлечь их из Таможенного ведомства. В 1867 г. он представил записку о пересмотре таможенного тарифа. Поскольку ей придавалось принципиальное, программное значение, дело рассматривалось 29 июня 1867 г. под председательством К. В. Чевкина. Пересмотр таможенного тарифа характеризовался как «достижение правильной торговли». С этой целью он предлагал создать Тарифную комиссию, и она была утверждена при Государственном совете. Рейтерн, говоривший, несомненно, с голоса директора департамента, указывал на необходимость пересмотра таможенного тарифа 1857 г., который не дал приращения таможенных доходов, между тем как возрастающие государственные расходы требовали источников поступления на их покрытие. Он не настаивал на радикальном их изменении, но считал нужным изменить их в таких частностях, которые будут признаны «полезными», причем (и здесь видно влияние инспекционных поездок Д. А. Оболенского) «полезность» должна была соотносываться с тем, что высокие пошлины способствуют развитию контрабанды и должны быть снижены — как с целью противодействия значительному контрабандному промыслу, вызванному чрезмерностью пошлин, так и в видах облегчения правильной торговли. Тарифная комиссия, по его мнению, внесла бы свои предложения относительно «большой

⁸ Подробнее см.: *Чернуха В. Г.* Всеподданнейший доклад Комиссии П. А. Валуева от 2 апреля 1872 г. как источник по истории податной реформы в России // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1969. Т. 2. С. 262–269.

соразмерности» между тарифными пошлинами и ценами на такие товары, которые «водворяются контрабандой». Кроме того, речь шла об упрощении тарифной сетки и таможенного счетоводства, уравнивании пошлин по морскому и сухопутному привозу, о понижении пошлин с «фабричных материалов».

Итак, Тарифная комиссия должна была внести в тариф 1857 г. такие изменения, которые бы способствовали развитию внешней торговли и тем самым увеличили таможенный доход, а с тем вместе упростили бы отчетность по таможенным доходам, унифицировав некоторые тарифы и сократив их число. Контрабанду предполагалось обуздать снижением тех пошлин, которые ее порождают, ибо, считали в Министерстве финансов, контрабанда возникает тогда, когда пошлины на товар высоки, а спрос на товар по более низкой цене наличествует.

Предложения Рейтерна были приняты, Комиссия создана, вскоре такие предложения были ею представлены, что свидетельствует об их предварительной подготовленности, и Оболенский в числе прочих лиц, занимавшихся тарифом, получил поощрение в виде единовременной премии в 3 тыс. руб.⁹ Министерство финансов не давало ему возможности дальнейшего продвижения по службе. Между тем правила чиновной «карьеры» требовали восхождения по ступеням должностной лестницы. Поэтому в начале 1870 г. он переходит в Министерство государственных имуществ, во главе которого в то время стоял Александр Алексеевич Зеленый. Оболенский был приглашен на место товарища министра. После должности директора департамента это было продвижение по службе, еще один шаг к министерскому креслу.

Министерство государственных имуществ в то время уже прочно перешло в разряд министерств второстепенных. Созданное в 1837 г. для проведения реформы в государственной деревне, оно должно было выработать модель организации жизни деревни крепостной, помещичьей. Но после отмены крепостного права в последней и принятия закона 1866 г. о повторной реформе деревни государственной с целью уравнивания положения освобожденных крепостных и государственных крестьян Министерство государственных имуществ, со временем обросшее подразделениями и обязанностями, как бы утратило необходимость в самостоятельном существовании, поскольку все крестьянство постепенно должно было перейти в ведение Министерства внутренних дел. Можно было продолжать поддерживать его существование, можно было подумать над его преобразованием и приданием ему новых функций. А. А. Зеленый, в это время уже часто и подолгу болевший, готовился к уходу на покой. Оболенский в короткое время своего пребывания в качестве товарища министра часто его замещает, встречается с императором на еженедельно представляемых докладах по министерским делам, как важным, так и незначительным (вроде наград служащим). Назначение его в Министерство государственных имуществ совпало со временем, когда в правительственных кругах в очередной раз возникает мысль о необходимости создания в России специального Министерства промышленности и торговли. Александр II, встречаясь с Оболенским, посвящает его в эти

⁹ Это отмечено в его формулярном списке. См. также: *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 7.

планы, и становится очевидным, что именно ему предстоит занять кресло либо министра государственных имуществ, поскольку Зеленый уже говорит об отставке, либо стать главой вновь созданного Министерства торговли и промышленности. В 1870 г., как раз в момент перехода в Министерство государственных имуществ, он возобновляет ведение дневника, и все обстоятельства управления им этим министерством и ухода из него там нашли некоторое отражение.

Однако в дело вмешивается случай. Покушение 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозова на императора явилось тревожным знаком недовольства, и Александр II пошел проторенным путем смены министров и укрепления власти. Ушел в отставку прежний шеф жандармов и был заменен графом П. А. Шуваловым — человеком молодым, амбициозным и принадлежавшим к той группе дворянства, которую называли «аристократической партией». Уволен был министр народного просвещения. В новом шефе жандармов, должность которого в этом случае приобретала первостепенное значение, недовольное крестьянской реформой помещное дворянство увидело своего лидера. Нужно сказать, что отмена крепостного права была осуществлена в обстановке завышенных ожиданий относительно ее благих последствий: бесспорные преимущества вольного труда не требовали доказательств, нравственный аргумент о негуманности владения «крещеной собственностью» и единодушный призыв общественного мнения к либеральным реформам рассеяли консервативную дворянскую оппозицию и позволили правительству провести серию реформ. Крестьянская реформа шла с большими сложностями, мгновенного возрождения крестьянского хозяйства не произошло, а дворянское явно начало приходить в упадок. Неурожай 1867–1868 гг. в большой (более двух десятков) группе губерний был тревожным знаком, ибо принес власти вместо ожидавшегося процветания и приращения доходов увеличенные обязанности помощи голодающей деревне. Подняла голову консервативная дворянская оппозиция и заговорила о плачевных результатах «эмансипации», разорившей помещичьи хозяйства и не принесшей благополучия свободному крестьянству. Представители аристократической оппозиции начинают оказывать нажим на правительство, с тем чтобы оценить итоги реформы и внести в нее коррективы¹⁰.

Расколовшаяся в 1866 г. в связи с переменами в министерском корпусе сановная верхушка впала в состояние постоянных стычек по всем вопросам внутренней политики — стычек, происходивших в Государственном совете и Комитете министров. Однако это была борьба по частностям между сторонниками великого князя Константина Николаевича, отстаивавшими неприкосновенность проведенных реформ, принцип бессловности, буржуазные ценности, и группировкой шефа жандармов, при каждом конкретном случае стремившейся возродить принцип словности, означавший упрочение позиций дворянства — экономических, социальных и даже политических. К 1872 г. эта последняя, обладавшая к тому же рычагами воздействия на власть и имевшая энергичного лидера, остро ощутила отсутствие в своих рядах идеолога,

¹⁰ Подробнее см.: *Чернуха В. Г.* Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма: Середина 70-х гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 161–186.

способного сконструировать убедительную программу возрождения дворянства — экономически, обеспечив ему благоприятные условия хозяйствования в собственных имениях (в частности, выполнение условий найма со стороны сельскохозяйственных рабочих), социально (возвысив его роль в крестьянском самоуправлении, земстве, судах и проч.) и даже политически (предоставив возможность представителям дворянства принимать участие в законосовещательной деятельности). Среди действующих министров, поддерживающих Шувалова, идеологов не нашлось, и тогда было решено вернуть отставленного в 1868 г. министра внутренних дел к активной политической роли, предоставив ему министерский портфель. А. А. Зеленый уходил в отставку, и выбор Александра II, за которым стоял шеф жандармов, был предопределен. Во главе Министерства государственных имуществ был поставлен в апреле 1872 г. опытный администратор, очень умный и образованный человек, умелый тактик — П. А. Валуев, который к тому же пришел со своими представлениями о помощниках. Оболенский, уже работавший в полную силу в качестве фактического министра, подал в отставку. Такова подоплека его ухода из министерской сферы.

Эту отставку — вместо ожидаемого назначения на пост министра — Александр II, не любивший обижать людей, постарался максимально смягчить. Удачным завершением карьеры отставных министров (но не их товарищей) считалось назначение их в члены Государственного совета. Там сановники на почетном месте либо доживали свой век, либо могли — в случае достаточных сил и способностей — дожидаться назначения на новую административную должность для более активной работы.

Государственный совет — высшее законосовещательное учреждение Российской империи — оказался последним пристанищем Оболенского. Последние десять лет жизни и службы были отданы именно этому учреждению. Государственный совет, в то время насчитывающий всего лишь около полусотни человек, был учреждением, в котором его члены могли предаваться ничегонеделанию, ибо Совет собирался один раз в неделю, иногда для решения какой-нибудь законодательной «вермишели», но он же давал возможность людям деятельным принимать активное участие в его работе: читать множество бумаг, выступать по законопроектам, отстаивая правовые, социальные — либеральные или консервативные — принципы. Часть членов Совета, заседавшего тогда еще в Зимнем дворце (Мариинский для Государственного совета был куплен только в середине 80-х годов), прикреплялась к департаментам Совета, где наибольшая работа падала на них. Самым важным был Департамент законов, и тот факт, что Д. А. Оболенский оказался именно в его составе, показывает, что Александр II и председатель Совета великий князь Константин Николаевич намеревались в полной мере использовать его возможности правоведа и уже опытного администратора. Кстати, он оказался под начальством того же великого князя, у которого в Морском министерстве начинал полным надежд и сил административную службу. Однако и он сам и великий князь были уже не теми молодыми людьми, которые встретились двадцать лет назад. В его дневнике встречаются и критические высказывания о патроне, превратившемся в разочарованного и много претерпевшего человека и чиновника.

Для Государственного совета Оболенский был явным приобретением: Совет получил дельного сотрудника. Оболенский же оказался среди знакомых лиц. Там заседал и А. В. Головин, а также многие другие лица, с которыми он служил либо постоянно встречался, во всяком случае — весь министерский корпус. В Государственном совете он переживает смерть великой княгини Елены Павловны и успевает написать о ней воспоминания, самые дельные и значительные из известных, рисующие и ее портрет, и полезную деятельность¹¹. Тогда же он, просмотрев бумаги семейного архива, готовит публикацию документов, обнаруживая присущую ему склонность к истории и литературе. В 1876 г. выходит его трудами и финансированием сборник «Хроника недавней старины»¹².

Д. А. Оболенский в это время — член многочисленных комиссий, учрежденных при Государственном совете для подготовки к обсуждению разного рода правовых вопросов: введения мирового суда в Прибалтийских губерниях, осуществления тюремного преобразования и проч.

Если губернаторские отчеты рассматривались в Комитете министров, то отчеты министров рассматривались в Государственном совете, и самым тяжелым испытанием для Оболенского явилось включение его в число тех членов Совета, на которых была возложена экспертиза отчета министра народного просвещения Д. А. Толстого. Толстой в то время был для людей либеральных воззрений фигурой одиозной, заслужившей критику своим насаждением классических языков с целью отвлечения молодежи от политики и воспитания через классические гимназии людей консервативного склада, а стало быть, верноподданных, преданных монарху. Поскольку в 70-е годы он находился в конфронтации с военным министром Д. А. Милютиным, пестовавшим Военно-хирургическую академию, Женские курсы при ней, а в Академии несколько студентов были признаны неблагонадежными, участниками студенческого движения, то Оболенский, после колебаний, решился на мягкую критику политики в области просвещения своего прежнего товарища. Эта добросовестность означала нарушение чиновных правил, по которым большинство строго следовало закону кастовой поддержки, и поступок Оболенского, действовавшего (как и князь А. И. Васильчиков, публично критиковавший Толстого) по убеждению и чувству чести, вызвал негодование Д. А. Толстого и непонимание Александра II, объяснившего это простой неприязнью. Для Оболенского это было тяжелейшее переживание. Хотя это не повлияло на их отношения с императором, но вызвало у него глубокую обиду.

В 1870-е годы дневник Оболенского содержит больше общеполитических документов, чем частных записей, затем надвигается война, всколыхнувшая все российское общество, и здесь его позиция близка к позиции И. С. Аксакова с его страстной защитой «славянского дела», негодованием по отношению к Германии, а заодно и к российским руководителям внешней политики, включая императора.

¹¹ *Оболенский Д. А.* Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. № 3–5.

¹² *Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого.* СПб., 1876.

Вторая половина 70-х годов для Оболенского — время тяжких переживаний вследствие неудач России сначала в войне, позже, при заключении Берлинского мира, — из-за его условий, при утрате людей, которыми он очень дорожил, — Ю. Ф. Самарина, князя В. А. Черкасского.

Волнения, вызванные развитием событий на Балканах (1875–1878), перешли в тревогу в связи с событиями в самой России: он вообще при ведении дневника переходит на сплошные газетные материалы. Возможно, это нежелание раскрывать собственные переживания, стремление заменить их печатными материалами, чтобы читатель представлял себе ту беспокойную обстановку, в которой жил их предок: покушения на губернаторов, шефа жандармов, императора создавали постоянное ощущение опасности, убеждение, что правительство не контролирует события, не может справиться с небольшой группой «кинжальщиков» и бомбометателей.

До смерти Александра II, в царствование которого он развернулся в полной мере как способный государственный деятель и к деяниям которого был непосредственно причастен, он не дожил нескольких недель. Д. А. Оболенский скончался 22 января 1881 г. от крупозного воспаления легких, проболев неделю. Об этом мы узнаем из некролога его брата Михаила, ковенского губернатора, который скончался от той же болезни пятью годами позже¹³.

*
* *
*

Оболенский в тексте нередко называет свои записки дневником или журналом. Дневником их называет и Б. Э. Нольде. Формально есть основания называть эти записки дневником, ибо они задумывались как дневник: заметки снабжены датами, сообщающими, когда заносилась та или иная запись. Но все же это скорее «записки», нежели регулярно ведущийся дневник, это смешение дневниковых записей и заметок, рассуждений, документов.

Сам Оболенский называл свои записки по-разному, в том числе и «записками». По его собственному признанию, он неоднократно пытался начать вести дневник и, наконец, в 1853–1854 гг., в очередной раз принялся за ведение своих «тетрадей», «журнала» и заполнял их (с перерывами) по 1879 г. включительно. Ключом к его дневнику служат первые странички дошедшей до нас копии: он начал вести «записки» тридцатилетним человеком, и им двигали разного рода побуждения. Будучи человеком уже зрелым, образованным, он не мог не ставить перед собой вопроса о содержании записей и, отвергая принцип поденных записей, начал вести их в очередной раз только тогда, когда, по его собственному выражению, «определил себе положительно цель, для которой принялся писать». Ему — как мемуаристу — казалось неприемлемым заносить в дневник «подробности жизни» либо заурядные общественные события. Вместе с тем его неизменный интерес к прошедшему, к предкам, ощущение преемственности поколений создавали и закрепляли у него чувство, переходящее в убеждение о несомненном интересе потомков к прошедшему, рассказанному именно

¹³ Русский архив. 1886. Т. 1. Кн. 4. С. 536–544.

близкими людьми. Поэтому его «Записки» — документ своеобразный. В них почти отсутствуют записи о семейной жизни: рассказ о смерти отца, замечания о путешествиях, о семье, детях крайне редки и беглы. Точно так же его «Записки» — это и не служебная хроника. Он отмечал только те события, которые воспринимались им как выбивающиеся из общего ряда, значительные. В качестве ближайшей цели он определил назначение «Записок» так: это документ, рассказывающий его потомкам о судьбе предка, но, несомненно, что своим отказом от ведения записей о семье, домашней жизни, он предполагал и возможность более широкого круга читателей, которые посмотрят на прошедшее глазами свидетеля событий тех лет. Сформулированная им цель «Записок» — «отмечать все, что замечательного мною видится и слышится». Это забота о сохранении таких сведений, которые известны только автору и которые, не будучи им отмечены, могут быть утрачены.

К ведению записей Оболенского подталкивала мысль, что его положение дает ему возможность иметь сведения, которые может передать следующим поколениям только он. Особенность его «Записок» — обилие введенных в текст документов. Они — неотъемлемая часть дневника, иногда просто заменяющая самые записи, ибо, по мнению автора, эти документы в полной мере передают и события, в которых жил и действовал автор, и дают возможность представить его чувства.

Д. А. Оболенский, очевидно, принадлежал к числу тех мемуаристов, кто не считал возможным обнажать интимные чувства, был щепетил в этом отношении, считая их только личными переживаниями. Поэтому его записки — это, конечно, восприятие времени, записки современника, и таким было бы их справедливое название.

Записи он вел нерегулярно, иногда забрасывая свои тетради на годы, и даже (1861–1869) на многие годы. Очевидно, он не был педантом, который мог каждодневно усаживаться за свои записи, в таком случае неизбежно превратившись в сухую хронику. Но потом свойственное ему ощущение движения времени, историзма, волнения человека своей эпохи, очень сильное негодование, встряска, разочарование — снова приводили его к дневнику. Обычно это было связано с внешнеполитическими событиями, когда он вместе с другими опасался за судьбу страны, становился на ту или иную сторону, либо в кризисные для России времена. Конец 1870-х годов, когда в России нарастал вал кризиса, связанного с народнической и народофильской деятельностью, с террором, бессилием власти, запечатлен в его «Записках» преимущественно с помощью правительственных сообщений, хроникальных газетных заметок. Он как бы отстраняется от выплескивания эмоций, но одновременно пытается сохранить для внуков атмосферу тревожных дней.

У дневника Оболенского сложная структура: некоторая спонтанность каждой очередной попытки ведения дневника подталкивала его довольно рациональную натуру к каким-то предварительным пояснениям, представлению записок, и потому им предшествует незаконченный отрывок воспоминаний о детстве, юности. Видимо, он был написан вовсе не в 1853 г., открывающем «Записки». Упоминание о статье А. С. Хомякова, увидевшей свет только в 1861 г., беглое замечание

о прежних патриархальных отношениях помещиков и крестьян и противопоставление их другим, формальным, внешним, говорят о том, что эти воспоминания были написаны или выправлены по крайней мере после 1861 г.

Внешнеполитические события — Крымская война, война с Турцией и связанные с ней коллизии, франко-прусская война — для Оболенского — то, что ближайшим образом задевало его чувства.

Словом, перед нами — дневник человека 50–70-х годов, занимавшего видное место в системе российской чиновной иерархии, передающий как события того времени, в том числе не нашедшие отражения в «повременных» изданиях, так и всплески отношения к ним. Дневник передает двойственность положения Оболенского. С одной стороны, служебный ранг, принадлежность к правительственным кругам заставляют его придерживаться официальной точки зрения, и если не принимать, то во всяком случае понимать ее, с другой стороны — его, условно говоря, «славянофильские» симпатии делают ему близкими критические выступления Ю. Ф. Самарина, В. А. Черкасского, И. С. Аксакова против правительства. И он с явной симпатией включает их публичные заявления, письма в состав своих записей. Его «Записки» — это «живая», «дышащая» история середины XIX в. с ее тревогами и радостями, сомнениями, достижениями и издержками.

У автора свои пристрастия. Положение члена Государственного совета, близость к императорской семье, министрам, бюрократии заставляют его тянуть служебную лямку, которую он стремится тянуть сознательно и с пользой для общества. С другой стороны, существует и параллельная внутренняя жизнь — и здесь дневник, очевидно, был своеобразной отдушницей: ему он мог поверять свои тревоги и несогласия, он давал ему возможность внутренне поддерживать «славянофильскую» оппозицию, огорчаться за друзей, иногда бранить их — но и симпатизировать их гражданскому поведению, примыкать к ним мысленно.

*

* * *

Впервые публично факт существования «Записок» Д. А. Оболенского был оглашен в «Русской мысли» за 1915 г. (№ 4. С. 96–122), когда появилась статья С. А. Гагарина «Константинопольские проливы: Историко-политический очерк». Автор в самом начале статьи поместил список литературы, на которую опирался, и в этом списке значатся «Записки Д. А. Оболенского 1850–1872 гг. (не изданы)».

В № 5 была помещена вторая часть очерка, с пометой «Окончание» и подписью «Князь Сергей Гагарин», (это гл. IV, V и «Заключение»). На с. 51 в подстрочном примечании сказано: «Полный текст циркулярной депеши князя Горчакова приведен в т. III, с. 83 и след. “Записок князя Д. А. Оболенского”», т. е. автор, не имея под рукой другого источника, привел документ по тексту «Записок», где этот циркуляр был воспроизведен. И здесь же, в гл. V — «Лондонская конвенция 1871 г.» (работа князя Гагарина была посвящена дипломатической истории Константинопольских проливов), — было сказано (см. примеч. 3 на с. 52): «Об отношении русского общества к циркуляру кн. Горчакова см. в записках князя Оболенского (Т. III, с. 151 и след.)». Совпадение ссылки с текстом нашего экземпляра позволяет говорить о том, что в то время уже существовала

машинописная копия, одним из экземпляров которой мы располагаем, а стало быть, наша копия — из числа тех, что были у С. А. Гагарина.

Затем о «Записках» Оболенского появились сведения за границей. Б. Э. Нольде в своей книге о Ю. Ф. Самарине, впервые опубликованной в Праге в 20-е годы, упомянув, что он написал ее в 1918–1919 гг. в России (2-е изд.: Париж, 1978. С. 5), скрупулезно называя свои источники, сообщил, что он работал с «Записками» Оболенского, в следующих выражениях: «...я имел возможность пользоваться необнародованными письмами... князя Д. А. Оболенского (в его рукописном дневнике, собств[енности] покойной Е. Д. Новосильцовой», откуда Б. Э. Нольде извлекал письма Ю. Ф. Самарина (Е. Д. Новосильцова — дочь Д. А. Оболенского Елизавета).

Таким образом, у С. А. Гагарина в это время существует машинописная копия, а у Е. Д. Новосильцовой в ее архиве лежит рукописный дневник, возможно подлинный.

Дальнейшая судьба подлинника «Записок» и копий неизвестна. Очевидно, машинописные копии разошлись по семьям потомков. Во всяком случае передача А. Б. Татищевым, правнуком Д. А. Оболенского, жителем США, в 1977 г. ксерокопии «Записок» в нынешний Российский государственный исторический архив говорит именно об этом. Машинописные копии «Записок» обнаруживаются в разных хранилищах: в Российском государственном архиве литературы и искусства, в Российской Национальной библиотеке, где в Отделе рукописей хранится второй том машинописной копии. Возможно и обнаружение их в других хранилищах и частных архивах.

*

* * *

«Записки» государственного деятеля такого ранга — источник редкий, это диктует необходимость введения его в научный и читательский оборот. Именно эту цель и преследует наше издание. Мы ставим своей задачей точную передачу текста «Записок» по той копии, которая была предоставлена правнуком Д. А. Оболенского А. П. Гагариным для издания Санкт-Петербургским институтом истории. Редакторские вторжения в текст минимальны. Текст приведен в соответствие с существующими ныне правилами орфографии и пунктуации. Конъектуры введены в угловые скобки. Немногочисленные неясные места и пропуски указаны под строкой буквами русского алфавита. Примечания автора даны также под строкой и обозначены римскими цифрами. Вставленные автором в текст газетные материалы, письма и выдержки из них даны петитом. Подчеркнутое автором в тексте дается вразрядку. Явные опечатки машинописи исправлены без оговорок. Переводы иностранных текстов обозначены звездочками и помещены под строкой; при переводах с французского* язык оригинала не указывается.

В. Г. Чернуха

* Переводы с французского языка сделаны д. и. н. С. Н. Искюлем.

— |

| —

— |

| —

Первый том

Вступление. 1853 год

Детство. 1854 и 1855 годы

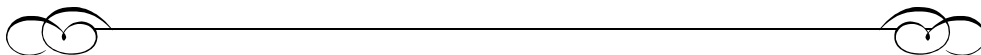

— |

| —

— |

| —

Вступление. 1853 год

17-го мая. Давно уже я собираюсь писать свои записки и несколько раз даже принимался за это дело, но, видно, всегда принимался не в добрый час или просто недоставало терпения, но желание <заниматься> ими овладело при самом начале исполнения.

Всегда останавливал меня вопрос, с чего начать. Мне казалось странным ни с того ни с сего писать свои записки и начать дневник свой с какого-нибудь ничем не замечательного дня, — я же думал: вот дождусь какого-нибудь особенного, замечательного происшествия или переворота в моей жизни и тогда начну писать уже каждый день. Но случаи эти не приходили, намерение мое все-таки не исполнялось. Теперь решаюсь поступить иначе: я определил себе положительно цель, для которой принимаюсь писать.

Подробности жизни всякого человека, иногда не заключающие в себе ничего особенно любопытного для современников, получают значение и цену в глазах близких, а в особенности детей. Я сам помню, с каким любопытством расспрашивал я своего отца о его прошедшем и как просил его записать кое-что из виденного и слышанного им. Мне также Бог дал детей, и мне приятно думать, что если Богу угодно будет сохранить их, то записки мои живее напоминать им станут того, кто так любил их; быть может, также кто-либо из них захочет писать и свой дневник, и тогда как любопытно будет третьему поколению читать живую историю общественной и семейной жизни их отцов.

В записках моих я намерен отмечать все, что замечательного мною видится и слышится, и прилагать в виде прибавлений разные документы.

Не знаю, что ожидает меня в будущем и что угодно будет провидению из меня сделать, но уже в настоящем моем положении я поставлен в возможность многое видеть и слышать такого, что имеет не один только интерес современный, а зрелый возраст и некоторая опытность, приобретенная мною на длительной службе, доставляет мне возможность судить о многом здраво, и, во всяком случае, мнения мои будут любопытны для потомства как мнения современника. На меня всегда производило большое впечатление суждение летописца о современном ему событии, поэтому я всегда предпочитаю читать историю по ее источникам.

Вот вкратце цель моего дневника, но я даю себе при этом слово не стеснять ни мою искренность и не рисоваться в записках моих для потомства; одно

действительно похвальное свойство, которое я в себе чувствую и которое во мне рождено — это любовь к п р а в д е, я ненавижу ложь, в какой бы форме она ни проявлялась, мне Бог дал какой-то инстинкт, который бессознательно во мне действует, возбуждая какое-то отвращение от всего, что не есть голая правда. С другой стороны, я убежден, что словами никого не надуешь и ложь обнаружится, как ее ни скрывай; хуже будет, если потомство при чтении записок, остановясь на каком-нибудь сомнительном месте, скажет с насмешливой улыбкой: «Ну, здесь, кажется, дедушка прихвастнул». Знаю также, что и самому хочется покрасоваться перед самим собою, и даже трудно от этого удержаться, но я обещаю себе быть осторожным. Все, что будет касаться до меня лично, буду писать откровенно, без обиняков, не скрывая ни хорошего, ни дурного, потому что пишу записки для себя и при жизни не намерен показывать никому то, что любопытно только для меня; на детей своих надеюсь, что ежели эти записки попадутся в руки им, то они не посмеются над «срамотой» отца их. Я не намерен также писать свою исповедь, а потому не стану говорить о тех делах своих, которые свойственны всякому человеку и повествование о которых не представляет вовсе ничего назидательного и любопытного. Надеюсь, что чистосердечный рассказ мой принесет детям моим пользу.

Прежде чем приступить к дневнику, опишу в главных чертах мои д е т с т в о, о т р о ч е с т в о и ю н о с т ь; при этом останавливаюсь только на тех подробностях, которые остались в моей памяти. У меня сохранилось много разных писем и записок разных времен, пересмотрю все прошедшее. Очень желал бы иметь довольно характера и последовательности, чтобы в точности исполнить все.

Попробую. Дай Бог.

Детство

Родился я в Москве в 1822-м году, октября 26-го, и в память святого великомученика Дмитрия назван Дмитрием. Еще не отнят я был от груди, как отца моего назначили гражданским губернатором в Калугу, и мать моя переехала туда вслед за ним со всем семейством. Не могу определенно сказать, сколько нас было тогда в живых детей. Знаю, что матушка всего рождала 15 раз; моложе меня были трое, которые родились в Калуге: Юрий, Федор и Владимир. Последние двое умерли в младенческом возрасте. Помнить я себя начинаю в Калуге, в большом губернаторском доме. Детские наши были в третьем этаже, недалеко от спальни матушки; в среднем этаже были парадные комнаты и кабинет батюшки, а также спальня и кабинет дедушки Нелединского-Мелецкого¹, который приехал вместе с маменькой доживать век свой в Калугу. Из первых впечатлений детства остались мне всего <более> памятными, во-первых: доброта матушки и постоянная ее заботливость о нас; нянюшка у нас была Секлетиния Васильевна, добрейшая женщина, принадлежащая к тому типу русских нянюшек, которые уже исчезают, оставляя взамен каких-то полуобразованных мадам с претензиями и непомерными капризами. Нянька, как водится, баловала

Детство

нас потихоньку от матушки, но помню, что это нам нимало не мешало обожать матушку. Хотя я и не совершенно ясно помню лицо матушки, но общее очертание ее припоминаю. Особенно живо представляется она мне в черном, накинутом на кофту салопе, когда утром приходила она в детскую присутствовать при нашем пробуждении. Я вообще, сколько себя помню, был весьма ласковым ребенком: за матушкой бегал я в течение дня как собачонка, но не помню, чтобы она отличала кого-нибудь из нас. Странно, что когда припоминаю свое детство, то мне представляются такие картины, которые сами в себе ничего особенного не заключали, и не могу понять, почему они так глубже врезались в мою память, нежели другие.

Матушка моя скончалась в 1827-м² году, когда мне было 5 лет. В эти годы уже сознание ребенка довольно развито, и не мудрено, что я довольно хорошо помню обстоятельства ее кончины, но я, кроме того, живо вспоминаю случаи за несколько лет до ее кончины, так, например: пребывание императрицы Марии Федоровны³ в Калуге, когда мы все ей представлялись в доме купца Зозина, где императрица останавливалась: мы — все дети — были поставлены в ряд по росту. Нас было тогда 11 человек. Меньший, Юрий, был на руках у кормилицы. Императрица нас всех целовала, а также и кормилицу брата Юрия, которая после этого три дня не мыла лица своего. Помню также, с какой церемонией проведено было тело императрицы Елизаветы Алексеевны через Калугу. Народ вез колесницу, и гроб поставлен был в соборе.

Праздники, которые давал батюшка, также живо остались в моей памяти. Особенно хорошо помню большой маскарад в городском доме накануне Нового года и несколько иллюминаций в загородном доме. Калужская губерния была подчинена тогда витебскому генерал-губернатору князю Н. Н. Хованскому. Он приходился матушке родным дядей по матери. По случаю его приезда всегда бывали праздники — и семейные, и общественные. Помню, однажды разгадывали шараду: восторг, во второй половине шарады мы все участвовали; я был наряжен сбитенщиком. Под конец пели куплеты, сочиненные Василием Пушкиным⁴.

Хотя недолго суждено мне было жить в родительском доме и принимать первые впечатления от самого чистого источника — м а т е р и н с к о г о с е р д ц а, не менее того, эти немногие годы самого первого моего младенчества имели самое благодетельное влияние на всю мою будущность. Все зародыши добрых начал принимаются человеком только в самом детском его возрасте, а для того, чтобы они принимались плодотворно, необходимо, чтобы все окружающее ребенка было преисполнено тою чистою любовью, которая живет только в добрых и истинно христианских семьях.

Матушка моя была женщина необыкновенная — это был, по словам всех ее знавших, совершенный ангел. Память о ней еще до сих пор сохранилась глубоко в Калуге. Я не встречал ни одного человека, который бы не говорил о ней с неподдельным умилением. Она до такой степени была любима и уважаема всеми в Калуге, что молва о ней дошла и до людей, никогда не видавших ее. Всякий из нас, ее детей, имел к тому множество доказательств. Понятно, что такая женщина одним своим нравственным влиянием и за короткое время мог-

ла положить доброе основание в детях, которых любила всей своей ангельской душой. В моей памяти все время до кончины матушки представляется каким-то светлым сновидением, под впечатлением которого я рос и развивался.

В детстве я, хотя был здоров вообще, но нервы мои были, по-видимому, слабы. Это я заключил из следующего факта, который глубоко врезался мне на память. Губернаторский дом, в котором мы жили, находился вблизи присутственных мест⁵, и перед домом был городской бульвар, на котором мы обыкновенно гуляли. Утром, перед рекрутским присутствием, собиралось иногда много народу, матери и жены рекрутов, по обыкновению, выли и голосили изо всей мочи. Эта печальная музыка до того раздражала мои нервы, что я плакал целый день и никто не мог успокоить меня. Никому не хотел объявить настоящую причину моих слез, сам не знаю почему. Мне было как-то стыдно. Однажды, когда матушка и няня очень ко мне приставали, чтобы я сказал им, о чем я плачу, я объявил им, что у меня болят зубы. Сейчас послали за каким-то губернским дантистом и стали меня уговаривать позволить выдернуть больной зуб. Чтобы придать мне куражу, помню, что матушка велела прежде себе вытащить зуб, потом посадила меня и со мной сделали ту же операцию. Несмотря на то, слезы мои унялись только тогда, когда мы переехали в загородный дом. Помню также, что было время, когда я постоянно просыпался среди ночи и ревел во все горло. Это происходило частью от страшных снов, частью, и, мне кажется, главным образом, оттого, что мне было очень весело, когда в ожидании моих криков начнут около меня суетиться и хлопотать матушка, нянька и проч. От меня не отходят, а мне и весело. Батюшка, быв занят службой, не много нами занимался, хотя, однако, он сам прихаживал к нам в детскую и мы бывали у него в кабинете.

Дедушка тоже очень любил нас, он редко выходил из своей комнаты, потому что был уже стар и страдал водянкою в ногах. Как теперь его помню в больших вольтеровских креслах с книгою в руках. Он или сам читал, или заставлял себе читать соборного протодиакона, который должен был ему кричать почти каждое слово в ухо. В дни наших именин и рождения обыкновенно приносили к дедушке в комнату целую игрушечную лавку, которая оставалась у него три дня. В течение сих трех дней именинник имел право каждое утро приходить в эту комнату и выбирать себе новую игрушку, но с тем, чтобы, выбрав раз, не переменять свой выбор. Так как мои именины и рождение приходились в один день, то я пользовался этим правом в течение шести дней и получал шесть игрушек.

Так как при нас, кроме нянек, не было никого, то и детские игры не подчинялись никаким особенным правилам и не смешивались с учением; помню также, что я часто наряжался попом, устраивал себе нечто наподобие кадила⁶ и представлял служение в церкви, читая разные молитвы: такого рода игру матушка нам не возбраняла, не видя в том никакого кощунства, через это я выучивал много молитв наизусть, присутствовал с большим вниманием при богослужении и получил о нем довольно подробное понятие, прежде чем мне открылся весь тайный и глубокий смысл его. Справедливо говорит Хомяков в одной статье своей «О воспитании»⁷, что душевный склад ребенка, который

Детство

привык сопровождать своих родителей в церковь по праздникам и по воскресеньям, а иногда и в будни, значительно разнится от душевного склада ребенка, которого родители не знают других празднеств, кроме театра, бала и картежных вечеров. В доме нашем соблюдались более или менее обряды, предписываемые православною церковью, а потому мы все нечувствительно приняли в себя те религиозные начала, которые остались в нас на всю жизнь и которые я только теперь понимаю.

В памяти моей живо сохранились последние дни матушки. В конце января 1827-го года, все мы — дети — были больны, у Юрия был круп, а остальные — ветряною оспою. Она не выходила из детской день и ночь и вследствие усталости, а также простуды сама 2-го февраля занемогла горячкою, которая скоро приняла сильное развитие. Выписан был из Москвы доктор Генекен и, сколько могу припомнить, по его совету, поставлены были больной пиявки, сделана горячая ванна, вследствие чего она сильно ослабела и положение ее сделалось безнадежным.

В то же время дедушка Нелединский сильно занемог припадками водяной болезни. В начале болезни матушки он каждый день потихоньку <по несколько> раз приходил к ней в комнату, но потом делать этого не мог и не вставал со своего кресла. Матушке никто о болезни дедушки не говорил, и она сама о нем ничего не спрашивала, как будто предчувствуя то, что от нее скрывают. 13-го февраля дедушка скончался. Нам об этом ничего не сказали, боясь, чтобы мы не проболтались матушке, к которой нас приводили каждый вечер. На другой день, 15-го^a февраля, скончалась и матушка, но я при последних минутах ее не присутствовал, ибо спал и нас — меньших детей — не будили, а старшие окружали ее постель. Утром мне сказали о случившемся и повели наверх в спальню, где тело матушки уже покоилось на кушетке. Не помню, что я тогда ощущал и как выражал скорбь свою, но, вероятно, впечатление было сильно, ибо я как теперь вижу все подробности сей плачевной сцены. В одно время две смерти поразили бедного батюшку, положение его было ужасно. Как перенес он это несчастье — действительно непонятно. На ежедневных панихидах, разумеется, был весь город. Смерть матушки поразила всех ее знавших. Плач о ней был непритворный, и в день похорон стечение народу было невероятное. Я имел несколько раз случай впоследствии слышать от людей совершенно посторонних, что все классы людей единодушно проливали слезы. Еще недавно, в бытность мою в Калуге, какая-то мещанка, узнав, что я сын Аграфены Юрьевны, залилась горячими слезами, вспоминая о ней. Тело матушки похоронено было в Калуге, в Лаврентьевском монастыре, вместе с дедом.

Убитый горем батюшка не знал, как ему с нами быть и кому нас поручить. Самому же заниматься нами ему было совершенно невозможно. Старшая сестра, Катенька, взята была Самариными, вторая, Софинька, отдана тетушке Елене Ивановне, которая жила тогда у графини С. В. Паниной. Братья Андрей и Василий отосланы были вскоре, сколько мне помнится, в Харьков к тетушке Щербатовой, а остальные остались дома, под непосредственной ко-

^a Так в тексте.

мандой добрейшей Екатерины Яковлевны, которая еще жила при матушке и помогала ей учить и надзирать над детьми. Таким образом, вскоре после кончины матушки семейство наше разбрелось, и с тех пор нам не суждено было ни разу всем до единого собраться в одно время под родительский кров.

К нам начали поступать гувернеры, хотя перед сим были у старших братьев несколько немцев и французов, но я их мало помню, ибо был слишком мал. В первый раз подпал я под власть господина Винси, француза. Поступил он к нам на следующих условиях: во-первых — жалование, сколько — не знаю; второе — каждый день бутылка пива и хлеб и каждую неделю по два фунта сыра и штофу водки; третье — право не обедать дома и пользоваться воскресеньем.

Это был толстый господин, вероятно, служивший некогда барабанщиком или сапером в наполеоновской армии и взятый в плен в 12-м году. Это предположение я основываю на том, что он угощал нас в дни именин Наполеона и в дни его блистательных побед, и, напротив, крепко бивал при воспоминании неудач французской армии. Чему он нас учил, я, правда, не помню; кажется, ровно ничему, хотя постоянно находил случай беспощадно бить нас линейкой. Часто запирал он нас в черный чулан и вообще неистовствовал безнаказанно, ибо ничего до батюшки не доходило, потому что Винси нам решительно объявил, что ежели кто-нибудь из нас осмелится хоть слово сказать о нем не только папеньке, но и Екатерине Яковлевне, то он того забьет линейкой до смерти, а ежели будет молчать — то он нас будет каждый день кормить лакомствами. И действительно, каждый день мы после обедни ходили с ним гулять и постоянно заходили в какой-то дом, где жила какая-то женщина, которую он называл своей женой, хотя она была русская. Женщину эту он при нас неоднократно бивал и раз даже пустил в нее стулом, но за что именно — не припомню. Кроме того, часто во время прогулок заходили мы в Гостиный двор, в колониальные лавки⁸, где Винси позволял нам есть что угодно и сколько угодно. Не думаю, чтобы он платил за что-либо купцам, а вероятно, просто брал силой в пользу губернаторских детей. Несмотря на все меры, принятые Винси, Екатерина Яковлевна скоро выдала его папеньке, и вследствие сего француз был выгнан из дому, поколотив нас перед отъездом на порядках. До сих пор не могу понять страшное зверство этого человека, как мог он равнодушно обращаться так с детьми и так умышленно развращать их, как он это делал. Я даже думаю, что он это делал из политического убеждения — француза на это хватит.

Кто у нас был после Винси: кажется, поступил добрый и вечной памяти достойный Егор Иванович Бот — честный немец, который мог служить настоящим противоядием скверному Винси. Не могу с достоверностью сказать, откуда г-н Бот был урожден по религиозным своим убеждениям; он, по вероятности, принадлежал к секте гернгутеров⁹, и как он часто говаривал сам о Сарептских колониях, то легко может быть, что он и сам был тамошний уроженец, но каким образом он попал в Калугу, мне решительно неизвестно. Он был приставлен к нам троим — брату Сергею, брату Михаилу и ко мне. Брат Юрий был еще на руках няньки, а братья Андрей и Василий были отосланы в Харьков. Первым хорошим впечатлением моего детства я много обязан Боту. Это было добрейшее создание, которое успело бескорыстной любовью сильно

Детство

привязать нас к себе. Я любил его всем детским сердцем своим, не находя в нем ни малейшего недостатка. Я считал его красавцем и даже теперь помню, как некогда ласкал его, как целовал его руки и плешивую голову. Не могу понять, чем мог он возбудить во мне такое живое к себе чувство; особенных ласк с его стороны я не помню, хотя я, как младший, может быть, и пользовался его особенным расположением, но не думаю, чтобы он показывал это, впрочем, братья тоже его очень любили; впоследствии, когда мы были с ним в пансионе, то и другие дети питали к нему то же чувство; предполагать надо, что такова была уже его любящая натура, что сама по себе, невидимой силой, действовала на детей.

Учил он нас, сколько помню, только одному немецкому языку, но с таким успехом, что мы скоро успели весьма порядочно говорить по-немецки и знали очень много стихов на этом языке. Шиллер был любимым поэтом Бота, а потому преимущественно заставлял он нас выучивать его стихотворения. Во время ежедневных прогулок наших Бот не упускал ни малейшего случая и повода, чтобы выразить разного рода нравственные правила, и таким образом передавал нам понемногу свои протестантские убеждения. Не скажу, чтобы такая постоянная проповедь достигла своей цели, подробности ее даже совершенно исчезли из моей памяти, но, в общем, у меня остались воспоминания о тех впечатлениях, которые производили на меня полумистические слова Бота. Он заставлял нас молиться на немецком диалекте, мы читали обыкновенно «Отче наш» и еще какую-то молитву, которую теперь решительно не помню. Каждый вечер Бот, уложив нас спать, сам садился за стол, брал библию и псалтырь и в полголоса читал; потом начинал довольно громко петь псалмы — все это при слабом освещении сальной свечи, при спокойствии и тишине во всем доме производило на <меня> такое сильное впечатление, что я, лежа в кровати, долго не мог сомкнуть глаза и часто плакал вследствие какого-то особенно высокого душевного настроения, в котором сам себе не мог дать отчета. По воскресениям и праздникам мы постоянно ходили в церковь, и никогда Бот не противодействовал этому, хотя сам в нашу церковь не ходил. Вообще я не помню, чтобы он когда-либо позволял себе свращать нас от православия.

Всем наукам, а равно и французскому языку, обучала нас добрейшая Екатерина Яковлевна Петрова, которая исключительно состояла при сестрах. Она поступила в дом к нам еще при покойной матушке и после смерти ее осталась главной над нами командиршею. Эта добрейшая женщина, можно сказать, воспитала нас всех. Сестры, кроме нее, решительно не имели других учителей и вышли не менее учены, чем те, на воспитание которых тратилось так много денег. Окончив образование одного поколения, она с той же неутомимостью и с той же любовью принялась за воспитание другого поколения, поступив к сестре моей, Софье Евреиновой, у которой <было> 6 человек детей, и все они были не только воспитаны, но и вынянчены ею. По смерти сестры Евреиновой сироты ее, как и мы, остались на попечении Екатерины Яковлевны. Сколько нужно терпения, любви, кротости, смирения для исполнения таких обязанностей; получая от батюшки небольшую пенсию, она не только довольствовалась этим, но весьма часто, при крайне стеснительных обстоятельствах сестры Евреиновой,

помогала ей. Эти два добрейших существа — Бот и Екатерина Яковлевна — жили дружно, а потому все шло как нельзя лучше.

Батюшка постоянно занят был службою; в 1830-м году появилась в первый раз холера, а так как эпидемия эта свирепствовала особенно сильно в Москве, то многие родственники приехали из Москвы в Калугу, и это на некоторое время расстроило однообразный ход нашей жизни. Наконец, холера появилась и в Калуге, хотя по сравнению с Москвой болезнь была в слабой степени, но помню, что страх ее был велик. Предписаны были разные предосторожности, комнату окуривали хлором, в карманах носили чеснок, умывались уксусом и проч. Все это сильно нас забавляло, и все мы, по милости Божьей, остались живы и здоровы.

В 1831-м году батюшка был назначен сенатором в Москву и потому должен был оставить Калугу, нас — мальчиков — он решил отдать на воспитание калужскому помещику Семену Яковлевичу Унковскому, отцу многочисленного семейства, весьма достойному и хорошему человеку. Он жил в 12-ти верстах от Калуги в своем имении — в деревне Колышевке. За известную плату Унковский взялся обучать нас вместе с детьми своими и образовать, таким образом, маленький пансион. Егор Иванович Бот должен был оставаться при нас неотлучно в пансионе.

В назначенный день и час нас посадили в четырехместную карету и повезли в Колышевку. Сборы в дорогу, сама дорога и, наконец, новое местопребывание наше очень забавляло нас, и таким образом, нечувствительно оставили навсегда родительский дом.

Семейство Унковских, в которое мы поступили, состояло из следующих лиц. Семен Яковлевич Унковский — отставной флота лейтенант, воспитанник Морского кадетского корпуса и участник кругосветной экспедиции адмирала Лазарева, с которым с тех пор находился в тесной дружбе. Человек умный, положительный, добрый семьянин, хороший хозяин, он мог бы с пользой служить на другом поприще, но огромное семейство и недостаток средств заставили его на время удалиться в деревню. Супруга его, Варвара Михайловна, заведовала домашним хозяйством и как женщина недалняя, но весьма добрая вела это дело по старосветским преданиям при помощи огромного количества дворовых девок и женщин. Из них одна, по имени Фиона, в качестве ключницы исключительно заведовала провиантской частью, а потому все прижимки ее особенно остались нам памятны. Так как кроме нас первое время у Унковского никого из посторонних детей не было, то положение нас ничем не рознилось от положения родных детей Унковского. Их было, сколько помнится, во время нашего поступления человек 10, из коих только две дочери, остальные все мальчики разных возрастов; старшему было, впрочем, не более 14-ти лет, так как он с братом Сергеем был почти одногодок. Всем наукам обучала нас девица средних лет, и сколько помнится, звали ее Анной Андреевной, бывшая воспитанница Митавского воспитательного дома¹⁰. Как все девицы этого рода, она была весьма некрасива, немного рыжевата и постоянно ходила с подвязанной щекой. Учила она нас всех вместе и заставляла себя уважать иногда при помощи линейки. Егор Иванович Бот тоже учил всех нас немецкому языку и, так как он

Детство

исключительно находился при нас, то и спал с нами в одной комнате и, кроме того, постоянно был нашим защитником во всех мелочных спорных делах. Впрочем, его все очень любили, только с одной ключницей, Фионией, никак не удавалось ему ладить, кто из них был прав и кто виноват — теперь не берусь решить. Время пребывания нашего в деревне у Унковского оставалось мне очень памятно. Теперь уже, я думаю, трудно отыскать в России остатки формы прошедшего века, но тогда еще жили по-старинному, и худое, и лучшее, представлялось во всей наготе своей без прикрас, как оно есть. С тех пор многое переменилось, и в самом Колышеве, где я был недавно, тоже все в другом виде.

Деревня Колышево, в которой мы жили, расположена по берегу реки Угры. Господский дом недалеко от перевоза, на крутом берегу, чрезвычайно напоминает дом, описанный Гоголем в «Старосветских помещиках»; почти то же расположение, с прибавкою, впрочем, мезонина; те же картины висят по стенам, те же скрипящие двери, поющие на разный лад, на дворе так же точно протоптанные тропинки к амбару и кухне. Перед домом к реке палисадник, на который летом слетается бесчисленное количество шпанских мух¹¹, распространяющих сильное зловоние. Палисадник этот украшен цветниками разных форм, вышедших уже ныне из моды. Два тополя по краям балкона памятны тем, что на них были вырезаны начальные буквы наших имен. Другая сторона дома обращена была на двор, но на котором, кроме кухни и конюшни, находился особый флигель, в котором жила тетушка Унковская, 70-летняя старуха. За амбарами началась прекрасная роща, а близ нее фруктовый сад.

Как шло сельское хозяйство в Колышеве, нам было неизвестно. Должно предполагать, что Унковский, как человек практический, вел дела свои хорошо. Мелочное же домашнее хозяйство, находившееся в руках Варвары Михайловны, от нас не могло быть скрыто. Во-первых, огромная дворня, в особенности состоящая из лиц женского пола, наполняла девичьи и даже парадные комнаты: все сидели за работою в пяльцах; большая часть девок босиком, в затрапезных платьях. Амбары битком набиты были припасами, разного рода соленьями, варениями и проч. Приготавливались они в разное время года на наших глазах, мы сами принимали в этом деле иногда участие. Провинившиеся в чем-либо девки без всякого суда тут же наказывались, иногда собственноручно самой барыней. Для дворовых людей мужского пола были тоже наказания, которых теперь уже больше нет. Помню, что за пьянство иногда приковывали человека к так называемому стулу (толстое бревно, в котором пуда два весу). Это наказание, я помню, сильно поражало мое воображение. Кроме того, телесные наказания розгами крестьян и людей производились обыкновенно на конюшне, иногда на глазах наших. Спешу прибавить, что все это происходило весьма редко. Унковский вообще был человек добрый и справедливый и вовсе не злоупотреблял помещичьей властью своей. Он вообще был любим крестьянами, и они, сколько помню, жили в довольстве. Наказания в той форме, в какой они полагались в прежнее время, вообще, мне кажется, были менее справедливы потому, что отношения самого владельца к крестьянам были проще и ближе. Они так естественно вытекали из права помещика, что никогда не могло прийти сомнение в их законности. Теперь, напротив, все так отшлифовано, все подведено под пра-

вила приличия, а, в сущности, зло осталось то же, если не прибавилось, но только прикрытое формой. Эти-то формы для меня возмутительнее всего, они всегда во мне возбуждают сомнения в добросовестности того действия, которого служат выражением. В Колышеве, несмотря на отсутствие *comme il faut**, всем жилось хорошо и счастливо.

Первое время после Бота никого из гувернеров при нас не было. Папенька же прислал г. Картамана. Добрый француз, большой охотник с ружьем и собакой Кастор, он недолго оставался. Учились немного, резвились довольно. Описать все подробности нашей жизни, которые остались у меня в памяти, было бы слишком длинно и не замечательно. Батюшка писал нам письма, мы ему отвечали, что всегда было весьма трудно. По истечении некоторого времени Унковский выписал, не знаю откуда, француза. Этот француз по имени Аман явился в Колышево, и с тех пор жизнь наша во многом переменилась. Начали нас учить французскому языку. Бедный Бот держал себя так скромно, что француз скоро сел ему на голову. С другой стороны, нам также жизнь в Колышеве начинала надоедать, оттого ли, что мы уже пообжились, или, может быть, и оттого, что нас действительно начали иногда обижать в пользу детей Унковских. Сама Варвара Михайловна не всегда оставалась беспристрастной, а няньки и ключницы тем паче. Словом, начали мы по-нашему чувствовать свое одиночество, вспоминать о родительском доме, о матушке. Стали замечать, что мы у Унковских все-таки чужие; часто даже, глядя друг на друга, когда собирались вечером в своей комнате, мы начинали плакать, и Бот нам вторил. Ожидая в скором времени приезда батюшки, мы, наконец, сговорились просить его взять нас от Унковских к себе; Бот обещал нам свое содействие. Замысел этот мы, разумеется, хранили в тайне.

Наконец, после долгих ожиданий, батюшка приехал. Помню до сих пор, как мы обрадованы были его приезду, как мы подняли нос и стали важничать перед Унковскими, зная, что теперь никто нас не обидит. Долго мы не знали, как приступить к делу и как выразить батюшке просьбу нашу. Наконец, однажды, избрав удобное время, мы вместе с Ботом пошли в комнату, где отдыхал батюшка. Мы, не помню как, сказали ему задушевную нашу мысль.

«Пустьяки, милостивые государи, — отвечал нам батюшка, — живите здесь, вам здесь недурно, есть товарищи, а у меня вам будет скучно». Просьба наша, однако, видимо опечалила батюшку; он не мог скрыть слез своих; свидание с нами всегда расстраивало его и живее напоминало наше сиротство, а в настоящем случае он, вероятно, еще глубже почувствовал свое горе. Обстоятельства батюшки, вероятно, действительно не позволяли ему согласиться на нашу просьбу. Он утешал нас ласкою и уговорил покориться необходимой судьбе.

По отъезде батюшки все пошло по-старому, но вскоре мы должны были оставить Колышево. Унковский назначен был директором калужской гимназии, а потому все семейство и, следовательно, и мы должны были переехать в Калугу. Все это происходило, сколько помню, осенью 1838-го года. В Калуге мы расположились в казенном доме губернской гимназии, на квартире дирек-

* прилично, порядочно

Детство

тора, помещавшейся в особом казенном флигеле в два этажа. Мы жили внизу, а Унковский наверху. С приезда в Калугу, собственно, и началось наше учение. Все учителя гимназии были нашими преподавателями, вскоре начали поступать к Унковскому и другие дети на воспитание, одни как приходящие, а другие с постоянным жильством, и, таким образом, устроился настоящий пансион.

Не знаю хорошенько, кто кем был недоволен: Егор Иванович Бот был недоволен Унковским или наоборот, только дело в том, что Бот начал поговаривать о своем отъезде в Москву и вскоре начал собираться в путь, а засим наступил и самый день разлуки. Прощание с Ботом, было, может быть, первое живое горе, мною испытанное. Его разделяли все другие дети. Все навзрыд плакали и целовали доброго старика. Он сам был очень скучен и глубоко тронут нашей любовью. Дальнейшая судьба этого доброго старичка мне отчасти известна. По приезде в Москву он дал родному брату своему, который занимался в Москве не знаю чем, свой небольшой капитал (всего, кажется, три тысячи асс<игнациями>)¹², а тот устроил какую-то мельницу для растирания сандала; предприятие лопнуло, или просто брат брата надул, и бедный Егор Иванович Бот, оставшись без куска хлеба, должен был искать опять место гувернера. К счастью, поступил он к родной моей тетушке княгине Екатерине Алексеевне Оболенской (урожденной графине Мусиной-Пушкиной), у которой жил также несколько лет и был любим всеми, как и прежде. Потом он, на старости лет, задумал жениться на какой-то повивальной бабушке, был с нею очень счастлив и имел сына, которому дал имя Готлиб. Сын этот жил, кажется, недолго, вскоре за ним умерла и жена Бота, а потому и сам он отдал Богу свою добрую душу. Вечная ему память, верю, что он хотя и был немец, но теперь в раю.

После отъезда Бота мы еще более осиротели. На место его поступил немец совершенно других свойств и достоинств — некто герр Балтер. Откуда он был вывезен и как попал в Россию — мне совершенно неизвестно. Язык свой он знал хорошо и преподавал недурно, но характер имел самый бешеный. Всякая безделица раздражала его так, что он выходил из себя и дрался немилосердно. Серые кошачьи глаза придавали ему какой-то свирепый вид. Сама природа его как будто имела какие-то нечеловеческие побуждения. Так, например, он заставлял нас постоянно после обеда с ним драться: мы все нападали на него, а он, разумеется, будучи сильнее нас всех, колотил того, кто к нему попадет, изо всей мочи. После такого ряда упражнений он обыкновенно уставал, ложился на постель, снимал сапоги и заставлял нас щекотать ему подошвы. Во время уроков он бивал нас постоянно. Однажды он стал бить брата Михаила, а брат Сергей, вступившись за брата, с большим хладнокровием подошел к Балтеру сзади и ударил его так сильно в щеку, которая у него в ту пору болела, что немец упал почти без чувств. Наконец, неистовства Балтера оборвались на мне: однажды он так сильно избил меня, что я весь в крови прибежал с жалобой к Унковскому, и впоследствии⁶ этого события его выгнали.

Вместе с Балтером и даже прежде него у нас был другой гувернер — француз по имени Делон. Он был, вероятно, из солдат наполеоновской армии, гово-

⁶ Так в тексте.

рил довольно понятно по-русски и занимался всякого рода проделками. Часто возвращался он домой пьяный, был знаком с разного рода предосудительными людьми и, наконец, за какую-то мерзость был также выгнан.

Вот какого рода людям было вверено наше воспитание. До сих пор не знаю, как объяснить беспечность Унковского при выборе губернаторов. Пансионом он вообще мало занимался, ибо обращал большое внимание на приведение в устройство гимназии, где и достиг своей цели.

В числе учившихся с нами детей были дети губернатора Бибикова, из них меньший, Иван, был со мной одних лет, и мы были с ним очень дружны. Я очень любил его. Отец Бибикова назначен был в Калугу после батюшки, семейство его было довольно велико, и мы часто езжали к ним на детские балы, где всегда без претензий веселились. Ваничка Бибиков вскоре умер от скарлатины, и я как друг его был очень любим его матерью.

В пансионе учили нас недурно, и преподавание разделено было на два класса, сообразно возрасту учащихся. Из детей Унковских я более всего был дружен с Иваном, который был страшно балован матерью и от которого никак нельзя было ожидать проку. На деле же, как увидим, вышло иначе.

Француз Аман, о котором говорено выше, учил нас только языку, но, кроме того, часто бывал с нами для практических разговоров. При этом он не упускал случая, чтобы не кощунствовать над святыней православной церкви. Надевал иногда на себя рогожу вместо рясы и смеялся над внешним православным богослужением. Однажды брат Сергей, не знаю по какому случаю, сказал ему, что *les francais sont venu en Russie non pas comme des conquerants, mais comme des brigands**. Француз рассердился, и какое, вы думаете, он придумал за это брату наказание?... Он заставил его 20 раз кряду письменно проспрягать по всем наклонениям следующую фразу:^b При этом брату было объявлено, что пока он не кончит своей задачи, он не получит куска хлеба. Бедный Сергей должен был просидеть до вечера и исписал целую тетрадь.

Надо быть французом, чтобы придумать такое наказание и чтобы перед ребенком стать ратником за честь своей нации. Независимо от всех учителей и губернаторов Варвара Михайловна со свитою имела над нами полицейское наблюдение, и это давало какой-то семейный характер нашему пансиону. Обедали мы все вместе — семейно; лето проваживали в Колышеве, где житье было гораздо правильнее, и мы все-таки развивались среди добрых начал. Нравственность наша осталась неиспорченной. Хранитель ее, конечно, был сам Бог, но, кроме того, должен по справедливости сказать, что в патриархальном семействе много было и хороших оснований. Скажу даже, что и дурная сторона нашего воспитания имела свою хорошую сторону. Она, может быть, ближе знакомила нас с жизнью и не имела ничего привлекательного, так что не мирила нас с собою. Гораздо вреднее, по-моему, губернатор образованный, но безнравственный, который умел бы дать наружный блеск своей

* Французы пришли в Россию не как завоеватели, а как грабители.

^b Далее пропуск.

Детство

безнравственности и таким образом неприметно привить ее своему воспитаннику. Гораздо вреднее безбожное начало семейного быта, чем те мелочные и неприятные дразги ежедневной жизни, через которые нам суждено было пройти. Наконец, в сто раз вреднее для детей та условная этикетная жизнь, налагающая форму и приличие на каждое чувство и порыв сердечный, развивающая с ранних лет мелкие страстишки чванства, самолюбия, лицемерия и лицепрятия, чем патриархальная, хотя и неопрятно убранная, жизнь простых, не важных людей.

Учил закон Божий, часто ходил в церковь и в Алтарь. Калужская губернская гимназия, в которой Унковский был директором, доведена была им до возможного совершенства. Учащихся было много, и старые преподаватели заменены были новыми молодыми кандидатами Московского университета¹³, из которых некоторые были люди весьма способные. Самое заведение получило совершенно другой вид. Хотя мы учились отдельно от гимназистов, но нередко посещали классы гимназии и обыкновенно присутствовали на экзаменах.

В 1834-м году приехал государь в Калугу. Его ожидали в течение нескольких дней, и все улицы, по которым ему следовало ехать, были полны народом. Государь остановился у собора, вышел из коляски и встречен был архиереем Никанором с крестом на паперти. Тут в первый раз я видел государя.

Впечатление, произведенное его необыкновенной наружностью, осталось очень живо в моей памяти. После молебна государь отправился в приготовленный для него дом купца Зюзина. Народ окружил его коляску и хотел отпрячь лошадей, чтобы везти на себе; восторг был неподдельный, он сильно подействовал на мое детское воображение. На другой день государь посетил гимназию, где встречен был Унковским. Мы вместе с детьми Унковского стояли на лестнице, при входе в большую залу, а потом имели случай видеть государя вблизи. Обошедши все заведение, государь остался весьма доволен, благодарил и целовал Унковского и в заключение подошел к нам, поздравил двух сыновей Унковского моряками, приказал тут же Бенкендорфу принять их на казенный счет в Морской корпус.

Вскоре после отъезда государя из Калуги Унковский получил, по высочайшему повелению, назначение быть директором Московского дворянского института. Государь посетил в Москве это заведение и, оставшись им недовольным, сам вспомнил об Унковском и приказал назначить его директором.

Вслед за сим начались приготовления в Москву в зимнее холодное время. Трудно было огромному семейству с маленькими детьми скоро подняться. Решено было ехать на долгих в разных экипажах. Нам, братьям, досталась в удел кибитка тройкой, в которую засадили нас троих, не снабдив, как следует, теплой одеждой. Путешествие продолжалось три дня, и мы много натерпелись от холода и голода, под Малым Ярославцем чуть-чуть не замерзли. Наконец кое-как дотащились мы до Москвы и прибыли прямо в дом батюшки на Солянку против Опекунского совета.

1-го января. Суковкин и Бутков, которые выражали взгляд на службу. Сегодня утром оделся я в парадную форму и отправился в Зимний дворец, где назначено было мне представиться великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам.

Во дворце множество генералитета и всяких чинов обоего пола, все бегали по передним, записываясь у особ императорской фамилии. Многие приезжали благодарить за полученные награды. Между прочим, государственный секретарь Бутков получил <орден Св.> Владимира 2-й ст<епени>, а управляющий Комитетом министров Суковкин <назначен> статс-секретарем. Эти два лица, по моему мнению, совершенно выражают современный взгляд на службу и на награждения доблести. Оба они выведены в люди князем Чернышевым, постоянно служили по министерству Военному, они скоро выдвинулись из ряда и далеко обогнали своих товарищей. На чем же основано их отличие? Заслуг особенных ни один из них не оказал, государственных способностей в них решительно заметить невозможно. Все и решительное достоинство их состоит из ловкости и умения обдѣлывать делишки, т. е. так их спускать с рук, чтобы все были довольны, одним словом, они оба глубоко постигли науку, называемую фифиологию. Наука эта требует пропасть вспомогательных изучений, и этим главным образом заняты все сии профессора. Они досконально знают все мельчайшие подробности отношений сильных лиц, следят тщательно за всеми изменениями их отношений, и все их внимание обращено только «как бы так обставить» (это — техническое выражение) дела, чтобы они сошли гладко, будет ли от этого какая польза делу или нет — их совсем не интересует. Никакого серьезного участия к общественному делу, убеждению или мысли в них решительно нет. Заговорите с ними о чем хотите — вы удивитесь поверхности суждения о существе вопроса и подробности изучения его внешней формы. Все высшие лица обыкновенно о них отзываются так: «Способный человек, ловкий, распорядительный, с ним приятно иметь дело». В случае какого-нибудь затруднения мне не раз случалось слышать такие слова: «Э, да об этом надо переговорить с Бутковым, он это дело обделает», или: «Съездите от меня к Суковкину и скажите ему, чтобы он как-нибудь это дело уладил», или: «Бутков предварительно со мною об этом переговорит, и мы с ним это дело устроим». Все эти отзывы я привожу затем, чтобы показать, в чем именно состоит деятельность этих лиц и к чему она направлена. Спешу заметить, что оба они люди честные, т. е., получая огромное содержание, взяток не берут и на деньги неподкупны, и посторонние влияния, <которым> они подчиняются, не могут быть обращены им в укор, потому что собственных убеждений они не имеют решительно. Вред такого направления службы поэтому хуже открытых и явных злоупотреблений — рано или поздно зло обнаружится, ибо придет время, когда почувствуют необходимость в деятелях, и способных и действительных. Об этом предмете я, вероятно, не раз буду случай иметь говорить в этих записках; сегодня разболтался по поводу наград и совершенно некстати, потому что есть о чем поговорить, более заслуживающем внимания.